

ОТВЕТ БЫЛ ПОЛУЧЕН. ПРИБЫТИЕ НАЧАЛОСЬ

ДО НАС

ТОМ ПЕРВЫЙ

П Р И Б Ы Т И Е

ЮРИЙ КАРМАЛИТА

КОГДА КОРАБЛЬ ПРОСНУЛСЯ,
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВСТРЕТИЛО СВОЁ БУДУЩЕЕ

Юрий Кармалита

До нас. Прибытие. ТОМ 1

«Автор»

2026

Кармалита Ю.

До нас. Прибытие. ТОМ 1 / Ю. Кармалита — «Автор», 2026

После открытия древнего корабля под Патагонией человечество ждёт ответов. Но сигнал из далёкого космоса приносит новые загадки: на борту запускаются неизвестные процессы, в защищённых базах появляются документы на человека, которого никто не видел, а из жизни экспедиции исчезают семнадцать минут. Лаура, Эстебан и София пытаются понять замысел чужого разума. Международная комиссия требует контроля, но корабль всё настойчивее действует по собственным правилам. Он изучает земные языки, документы и маршруты за пределами раскопа. Похоже, кто-то готовится жить среди людей. Что скрывается за дверями биологического отсека — и можно ли остановить прибытие, которое, возможно, уже началось? «До нас. Прибытие» — продолжение романа «До нас».

© Кармалита Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Кармалита

До нас. Прибытие. ТОМ 1

ТОМ 1

ДО НАС. ПРИБЫТИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТВЕТ ИЗ ТЕМНОТЫ

Через двое суток после выступления президента Аргентины на Генеральной Ассамблее ООН мир всё ещё пытался привыкнуть к тому, что под Патагонией лежит корабль, построенный шестьдесят пять миллионов лет назад.

Телевизионные каналы без конца повторяли одни и те же кадры: президент за трибуной, карта южной части Аргентины, фотографии раскопа, блестящий фрагмент корпуса под мощными прожекторами. В студиях спорили астрофизики, историки, военные аналитики и люди, прежде не имевшие никакого отношения ни к науке, ни к космосу. Одни называли открытие величайшим событием в истории человечества. Другие требовали немедленно передать объект под международный контроль. Третьи уверяли, что правительство Аргентины показало лишь то, что уже невозможно было скрывать.

Президентский дворец в Буэнос-Айресе жил в другом ритме. Здесь не обсуждали, существует ли корабль. Здесь решали, что делать после того, как он принял сигнал, происхождение которого не мог объяснить ни один земной прибор.

Эстебан Альварес стоял у окна небольшого зала совещаний и наблюдал, как на площади перед дворцом собираются журналисты. За металлическими ограждениями теснились операторы, репортёры, сотрудники охраны. Часть людей провела там всю ночь, надеясь получить хотя бы короткий комментарий от кого-нибудь, связанного с проектом.

Он не спал почти тридцать часов. После сигнала команда несколько раз проверила оборудование, подняла архивные записи и сравнила данные разных систем. Затем из Буэнос-Айреса пришёл приказ немедленно вылететь в столицу.

Теперь Эстебан чувствовал не усталость, а странную отстранённость. Ещё несколько месяцев назад его заботили темпы бурения, устойчивость стен карьера и задержки с поставками оборудования. Теперь за окнами его ждали представители крупнейших информационных агентств, а за дверью совещались люди, от решений которых зависело, кто получит доступ к первому внеземному кораблю, найденному на Земле.

Лаура сидела за столом и перечитывала распечатку с результатами анализа. Она уже знала цифры наизусть, но продолжала возвращаться к ним, словно надеялась найти ошибку, которую не заметили в Патагонии.

София расположилась рядом. Перед ней стояла чашка кофе, к которой она почти не прикасалась. Ночь она провела в центре управления, потом несколько часов в самолёте обрабатывала записи, а по прибытии потребовала доступ к защищённой правительственной сети. За последние сутки она успела поспать меньше всех, однако именно её расчёты стали причиной срочного совещания.

Дверь открылась, и в зал вошёл президент. Следом появились министр иностранных дел, министр науки, советник по национальной безопасности и Рауль Ибарра.

Министр обороны выглядел так же, как во время предыдущих кризисных совещаний: безукоризненная форма, сдержанное выражение лица, папка с пометкой высшего уровня допуска. За месяцы работы над объектом он хорошо изучил команду Эстебана и больше не относился к учёным как к людям, которых нужно защищать от последствий их собственного любопытства. Их отношения нельзя было назвать простыми, но они научились говорить прямо.

Президент занял место во главе стола.

— Начнём без вступлений. То, что вы сообщили ночью, подтверждено?

— Факт приёма подтверждён, — ответил Эстебан. — С выводами сложнее.

— Тогда сначала факты.

София подключила планшет к настенному экрану. На нём появилась временная шкала работы корабля за последние трое суток. Большую часть графика занимала почти ровная линия. Затем следовал резкий подъём, после которого несколько внутренних систем изменили режим работы.

— В двадцать три часа семнадцать минут по местному времени датчики объекта зарегистрировали импульс, — начала она. — Его продолжительность составила четыре целых восемь десятых секунды. Земное оборудование зафиксировало только вторичные эффекты: скачок электромагнитного поля, кратковременное изменение температуры корпуса и колебания в энергетической системе корабля.

Ибарра перелистнул страницу лежавшего перед ним доклада.

— Ни один спутник ничего не увидел.

— Спутники искали привычное излучение, — сказала София. — Радиоволны, рентгеновский всплеск, гамма-излучение, направленный лазерный луч. Ничего подобного не было.

— Откуда тогда взялся импульс?

— Мы не знаем, каким способом он был передан. Возможно, слово «передан» вообще вводит нас в заблуждение.

Министр науки нахмурился.

— Объясните проще.

София вывела на экран две диаграммы.

— Представьте, что корабль и удалённый источник когда-то были частью одной системы. Между ними могла сохраниться связь, принцип которой нам неизвестен. При определённом событии изменение состояния одной части системы отразилось на другой. Без обычной передачи через пространство.

— Мгновенно? — спросил президент.

— Мы этого не утверждаем. У нас нет времени отправки. Мы знаем только момент, когда корабль отреагировал.

Ибарра отложил папку.

— Вы называете это ответом. На чём основан такой вывод?

София приблизила вторую диаграмму. На ней появились два сложных рисунка, состоявших из дуг, разрывов и повторяющихся последовательностей.

— Этот фрагмент был записан во время последней активации корабля, ещё до выступления президента. Сначала мы приняли его за внутренний обмен между системами. Вот второй рисунок — реакция на внешний импульс. Они различаются, но используют одинаковую структуру.

Министр иностранных дел провёл пальцем по краю стакана.

— Одинаковый язык?

— Скорее общий протокол. Как запрос и подтверждение при установлении связи.

— Значит, корабль первым что-то отправил? — уточнил президент.

Эстебан отошёл от окна и занял свободное место рядом с Лаурой.

— Вероятно. Это произошло во время глубокой активации внутренних систем. Возможно, когда мы запустили главный управляющий узел. Мы увидели энергетический всплеск, но решили, что энергия распределяется между секторами.

— Почему вы не распознали передачу?

— Потому что ничего не покинуло объект в форме, доступной нашим приборам. Не было антенны, направленного луча или сигнала, который можно записать обычными средствами. Изменилось состояние одной из систем, и через двое суток корабль получил реакцию.

В зале на несколько секунд установилась сосредоточенная тишина. За закрытыми окнами продолжал жить город. По площади проехал автобус, над крышами показался вертолёт, а в соседнем помещении кто-то передвинул стул.

Президент перевёл взгляд на Лауру.

— Ваше мнение?

— Корабль сообщил о своей активации, — сказала она. — Возможно, автоматически. Его экипаж мог установить такой режим на случай аварии или длительной консервации. Когда заработали основные системы, был отправлен сигнал состояния.

— «Корабль снова действует»?

— Примерно так. Только мы не знаем, кому он это сообщил.

Ибарра постучал пальцем по первой диаграмме.

— И не знаем, что содержится в ответе.

— Корабль распознал импульс, — добавила София. — После приёма изменился порядок работы нескольких блоков. Активировалась часть вычислительной системы, поднялась мощность внутренней сети, а в главном зале появились новые последовательности символов.

— Вы смогли их перевести?

— Нет. Наша программа выделяет повторяющиеся смысловые группы, но пока не понимает их значения. В прошлый раз мы сопоставляли символы с действиями корабля: открытием двери, запуском транспорта, включением освещения. Сейчас внешнего действия нет, поэтому нам не с чем сравнивать.

Министр науки повернулся к Эстебану.

— Объект представляет непосредственную опасность?

— На данный момент нет. Энергетический фон стабилен, биологические сектора работают в прежнем режиме, оружейные системы не проявляют активности. Главный вход остаётся открытым, внутренний транспорт доступен только по утверждённым маршрутам.

— А челнок?

— Без изменений.

Ибарра открыл другую папку.

— Военные датчики зафиксировали кратковременное нарушение связи в радиусе двенадцати километров. На базе отключились три независимые системы наблюдения. Они восстановились через семь секунд.

— Мы знаем, — сказал Эстебан.

— В первоначальном докладе этого нет.

— Потому что мы ещё не установили связь между отключением и импульсом.

— Связь очевидна.

— Последовательность событий очевидна. Причина — нет.

Ибарра выдержал паузу, но спорить не стал. За время существования проекта он привык к тому, что Эстебан не подписывает выводы, пока не может защитить каждую формулировку.

Президент сложил руки перед собой.

— Допустим, корабль сообщил о пробуждении и получил подтверждение. Насколько далеко находится источник?

София обменялась коротким взглядом с Лаурой.

— Земными средствами определить невозможно.

— А сам корабль?

— Он обработал импульс как внешний. Мы видим это по маршрутизации данных. Информация поступила не из локальных датчиков и не из одной из внутренних систем. Она пришла через узел, назначение которого раньше было неизвестно.

— Это может быть другой объект на Земле? — спросил советник по безопасности.

— Теоретически, — ответила Лаура. — Мы уже знаем, что во время катастрофы часть конструкций могла быть разбросана на огромной территории. На дне древнего моря находилась вторая база. Возможно, существовали и другие.

— Но вы так не думаете.

— Я думаю, что корабль использовал систему связи, рассчитанную на гораздо большие расстояния.

Министр иностранных дел откинулся в кресле.

— Эта фраза окажется в газетах через час, если выйдет из комнаты.

— Поэтому она не должна выйти, — сказал Ибарра.

— Уже поздно надеяться на полную секретность. После выступления в ООН каждое движение на объекте отслеживают десятки государств. Американцы запросили данные по энергетическому всплеску. Европейское космическое агентство прислало собственный анализ. Китай потребовал срочного заседания научного комитета при ООН. Россия предложила направить специалистов по высокоэнергетическим полям.

— Все хотят помочь, — заметил Ибарра без улыбки.

— Все хотят оказаться внутри раньше остальных, — поправил министр иностранных дел.

Президент поднялся и подошёл к экрану. Несколько секунд он изучал диаграммы, хотя едва ли видел в них больше, чем переплетение линий.

— Два дня назад я сообщил миру, что корабль существует, — произнёс он. — Я сделал это, потому что скрывать объект дальше было невозможно и неправильно. Но публичность не означает, что мы должны открыть двери для любой страны, которая потребует доступ.

— Давление будет расти, — предупредил министр иностранных дел. — Особенно после появления информации об импульсе.

— Информация пока остаётся закрытой.

— На несколько дней. Возможно, на неделю.

Рауль Ибарра раскрыл схему охранного периметра.

— Необходимо усилить базу. Дополнительный батальон, расширенная зона ограничения полётов, контроль всех гражданских спутниковых каналов, отдельная система допуска для иностранных специалистов. Я также предлагаю сократить число сотрудников, имеющих доступ к данным о сигнале.

Лаура отодвинула от себя распечатку.

— Если вы сократите научную группу, мы потеряем время.

— Я говорю не о научной группе.

— Тогда о ком?

— О министерствах, подрядчиках и людях, которые получают копии отчётов только потому, что занимают достаточно высокие должности. За последние сутки произошли две попытки проникновения в защищённую сеть проекта. Одна пришла из-за границы. Вторая — из Буэнос-Айреса.

Советник по безопасности перестал делать записи.

— Вторая подтверждена?

— Подтверждена.

Президент вернулся к столу.

— Имена?

— Будут у вас сегодня.

Лаура впервые за всё совещание откинулась на спинку кресла. Открытие корабля изменило не только представления людей о прошлом. Оно мгновенно превратилось в предмет политической борьбы, хотя никто ещё не понимал, чем именно пытается завладеть.

Эстебан, казалось, думал о том же.

— Если мы превратим объект в военную крепость, международное давление только усилится.

— Объект уже окружён военной базой, — напомнил Ибарра.

— Потому что вокруг него вырыт карьер глубиной в сотни метров, внутри находятся неизвестные технологии, а на поверхности круглосуточно работают тысячи людей. Но научный проект должен оставаться научным.

— После внешнего сигнала прежних условий больше нет.

— Сигнал не делает корабль оружием.

— И не доказывает обратного.

Президент жестом остановил спор.

— Решение о международной комиссии остаётся в силе. Аргентина сохранит полный контроль над объектом, но к исследованиям будут допущены специалисты из других стран. Не правительственные делегации и не представители разведки. Конкретные учёные, выбранные по согласованному списку.

Ибарра закрыл папку.

— В составе комиссии всё равно будут люди, работающие на свои правительства.

— Без сомнения. Именно поэтому допуск будет ограниченным.

Министр науки передал Эстебану тонкую папку.

— Предварительный список. Астрофизика, фундаментальная физика, инженерные системы, биология, лингвистика. И отдельный специалист по международной безопасности.

Эстебан быстро просмотрел первую страницу.

— Полковник Джеймс Уокер.

— Официально он отвечает за безопасность иностранных участников.

— А неофициально?

— Неофициально каждый из них будет отвечать перед кем-то ещё, — сказал министр иностранных дел. — Делать вид, что это не так, бессмысленно.

Лаура взяла папку у Эстебана.

— Когда они придут?

— Первая группа — через три дня.

— Это слишком быстро.

— Для правительств, которые требуют доступ немедленно, три дня выглядят вечностью.

Президент обратился к Эстебану:

— Руководство работами остаётся за вами. Лаура сохраняет полномочия по научным исследованиям внутри объекта. София возглавит группу анализа интерфейса и сигнала.

София подняла голову.

— Я не возглавляла группу даже в университете.

— Зато вы первой обнаружили связь между двумя импульсами.

— Это не делает меня руководителем.

— Нет, — сказал Эстебан. — Но вы лучше остальных понимаете данные. Остальному научитесь.

София провела ладонью по волосам, собираясь возразить, однако передумала. В её выражении смешались тревога и невольная гордость, которую она старалась скрыть.

Президент дождался, пока все снова сосредоточатся.

— Вы возвращаетесь в Патагонию сегодня. До прибытия комиссии необходимо определить, изменилось ли поведение корабля и способен ли он принять ещё один импульс. Никаких попыток отправить ответ без моего прямого разрешения.

— Мы даже не знаем, как был отправлен первый, — сказал Эстебан.

— Тогда постарайтесь не узнать это случайно во второй раз.

Совещание закончилось около полудня. Через служебный коридор Эстебана, Лауру и Софию провели к подземной парковке, откуда они отправились на военный аэродром. У главного входа в президентский дворец продолжали ждать журналисты. В небе кружили вертолёты телеканалов, на соседних улицах дежурила полиция.

В машине София наконец открыла свой кофе, купленный ещё утром. Напиток давно остыл. Она сделала глоток и поморщилась.

— Теперь у меня своя группа.

— Поздравляю, — сказала Лаура.

— В ней будут люди старше меня в два раза и с публикациями, которые я читала на первом курсе.

— Значит, они привыкли, что их слушают. Для них будет полезно иногда слушать кого-то другого.

— Ты умеешь поддержать.

— Я старалась.

Эстебан сидел напротив них и изучал список комиссии.

— Эмили Картер, — произнёс он. — Астрофизик. Работала с моделями внегалактических источников.

— Хороший выбор, — сказала София. — Я читала её статью о сигналах, которые невозможно локализовать обычной триангуляцией.

— Профессор Хироси Накамура. Квантовые информационные системы.

— Тоже логично.

— Сара Лоран. Палеогенетика и криобиология.

Лаура забрала список.

— Её допустят к биохранилищу?

— Не сразу.

— Она прилетит ради него.

— Остальные тоже прилетят не ради конференц-зала.

София заглянула в папку.

— Виктор Орлов. Космическая физика. Он однажды публично назвал половину американских исследований тёмной материи дорогостоящей формой коллективного самовнушения.

— Уже нравится, — сказала Лаура.

— Тебе нравится любой человек, который начинает знакомство с конфликтом.

— Это экономит время.

Эстебан закрыл папку и положил её рядом.

— Через три дня у нас будет комиссия из людей, каждый из которых считает себя самым компетентным человеком в комнате. Нужно успеть проверить корабль до их прибытия.

— Мы проверяли его двое суток, — напомнила София.

— Теперь проверим ещё раз.

Лаура некоторое время наблюдала за улицами Буэнос-Айреса. После объявления президента город выглядел почти таким же, как прежде. Работали магазины, люди стояли у светофоров, курьеры лавировали между машинами. Только на фасадах нескольких зданий появились огромные экраны с изображением корабля.

— Они быстро привыкнут, — сказала она.

— К чему? — спросила София.

— К мысли, что он существует.

— Я до сих пор не привыкла.

— Мы видим его каждый день. У остальных есть только фотографии. Фотографии легко превратить во что угодно: в символ, угрозу, обещание, религию. Сам корабль при этом останется тем, чем был.

Эстебан поправил её:

— Он уже не тот, каким был.

Лаура не стала спорить.

Самолёт вылетел на юг после трёх часов дня. За иллюминаторами постепенно исчезли пригороды, затем поля и дороги. Через некоторое время под крылом остались только облака.

София открыла ноутбук и снова вернулась к данным. Эстебан пытался читать отчёт службы безопасности, но вскоре отложил его. Лаура сидела у окна, положив голову на сложенную куртку.

— Ты уверена, что первый импульс исходил от корабля? — спросил Эстебан.

Она не открыла глаз.

— Нет.

— Убедительный ответ.

— Ты спросил, уверена ли я. Я не уверена. Но эта версия объясняет последовательность событий лучше остальных.

— Он мог получить два сигнала.

— Мог.

— Первый мы приняли за внутреннюю активацию, второй заметили только потому, что уже следили за системой.

— Тоже возможно.

Эстебан выдержал несколько секунд.

— Ты собираешься соглашаться со всеми моими возражениями?

Лаура открыла глаза.

— Пока ты перечисляешь разумные варианты.

— А твоя версия?

— Корабль проснулся, проверил свои системы и сообщил об этом тому, кто должен был получить такое сообщение. Ответ пришёл через двое суток.

— Из другой галактики?

— Этого я не говорила.

— Но думаешь.

Она повернулась к иллюминатору. За стеклом сияла верхняя граница облаков.

— Я думаю, что цивилизация, способная отправить сюда исследовательский корабль шестьдесят пять миллионов лет назад, не стала бы ограничивать систему аварийной связи пределами одной планеты.

София не отрывалась от экрана.

— Есть ещё одна проблема.

— Какая? — спросил Эстебан.

— Ответ мог идти не двое суток.

Он повернулся к ней.

— Продолжай.

— Мы знаем, когда корабль зарегистрировал импульс. Мы предполагаем, когда он отправил сообщение. Но между этими событиями нет обязательной причинной связи. Первый рисунок мог быть не передачей, а подготовкой канала. Само сообщение могло уйти раньше — когда Лаура впервые активировала челнок, когда открылся главный вход или когда заработал управляющий центр.

— Тогда ответ мог идти месяцы, — сказала Лаура.

— Или миллионы лет. Если система не использует обычное пространство, мы вообще не можем судить о времени прохождения.

Эстебан снова взял папку, но не открыл её.

— Есть способ проверить?

— Нужны более ранние записи. Все энергетические всплески с момента открытия челнока. Полные данные, включая то, что мы сочли помехами.

— Они занимают несколько сотен терабайт.

— Поэтому я теперь руководитель группы.

Лаура усмехнулась и снова закрыла глаза.

К моменту посадки над Патагонией уже сгустились сумерки. Ветер гнал по временной полосе мелкую пыль, прожекторы раскачивались на высоких мачтах. У самолёта их встретили два внедорожника и группа охраны.

За время, проведённое в Буэнос-Айресе, база почти не изменилась, но теперь воспринималась иначе. После выступления президента исчезла прежняя иллюзия секретности. За внешним периметром дежурили съёмочные группы, на ближайшей дороге собрались исследователи, активисты и просто любопытные. Несколько человек установили палатки прямо у заграждений. Военные оттеснили их на разрешённое расстояние, однако полностью очистить территорию уже не могли.

На подъезде к командному центру Эстебан заметил дополнительные зенитные комплексы.

— Ибарра не теряет времени.

— После попыток взлома это неудивительно, — сказала Лаура.

— Зенитные ракеты плохо защищают от хакеров.

— Зато хорошо успокаивают министров обороны.

У входа в административный модуль их ждал Марк Стивенс. В одной руке он держал планшет, в другой — бумажный стакан. Ветер успел растрепать его седые волосы, под глазами проступили тёмные круги.

— Наконец-то, — сказал он. — Я уже решил, что правительство оставит вас в столице и пришлёт вместо вас комиссию юристов.

— Юристы прилетят через три дня, — ответил Эстебан. — Их замаскируют под учёных. Марк передал планшет Софии.

— Система повторила последовательность.

Она остановилась прямо у входа.

— Когда?

— Первый раз в девять сорок две. Второй — в четырнадцать одиннадцать. Интервалы разные. Продолжительность почти совпадает.

— Реакция корабля?

— Та же. Подъём мощности в вычислительном узле, изменение световых символов на главной панели, затем возврат к стабильному режиму.

— Внешний импульс зафиксирован?

— Земными датчиками — нет.

Эстебан снял перчатки.

— Значит, корабль продолжает получать сообщения, которые мы не видим.

— Или обрабатывает первое по частям, — сказал Марк. — Мы пока не понимаем, где заканчивается приём и начинается внутренняя работа.

Они вошли в командный центр. За стеклянной перегородкой находился основной зал мониторинга. Операторы занимали почти все рабочие места, на больших экранах отображались энергетические показатели, температура отсеков и состояние известных маршрутов.

После сигнала корабль не открыл новых дверей. Не запустил транспорт без команды и не изменил геометрию внутренних помещений. Даже свечение корпуса оставалось прежним. Только вычислительная система теперь работала с нагрузкой, которой раньше не было.

Начальник смены подошёл к Эстебану.

— Главный вход стабилен. Внутренний транспорт проверен. Биологический сектор без изменений, активность систем поддержания среды в пределах обычных колебаний. В защитном отсеке всё спокойно.

— Кто входил в корабль после второго цикла?

— Только техническая группа и Марк. Лауру ждали по протоколу.

Эстебан перевёл внимание на неё.

— До получения новых данных ничего не активируем.

— Я услышала.

— Даже если панель отреагирует.

— Эстебан.

— Что?

— Я услышала с первого раза.

Он кивнул начальнику смены.

— Подготовьте вход. Минимальная группа. Без оружия внутри центрального зала.

Представитель военной охраны хотел возразить, но Марк опередил его:

— Если корабль решит, что пятеро людей с автоматами представляют угрозу, их количество вряд ли что-то изменит.

Через двадцать минут они спустились в карьер.

Ночной воздух был холодным и сухим. Огромные уступы уходили вниз, освещённые рядами прожекторов. По временным дорогам двигались грузовики, на железнодорожной ветке стояли платформы с оборудованием. Работа не прекращалась даже после того, как существование объекта стало известно всему миру.

Корпус корабля занимал дно карьера, частично скрытый породой. Его поверхность отражала свет без привычного металлического блеска. Лучи словно уходили внутрь материала и возвращались приглушёнными, отчего трёхкилометровый объект казался одновременно массивным и лишённым веса.

У главного входа дежурила новая смена охраны. На площадке установили дополнительные датчики и два аварийных шлюза земного производства, хотя все понимали, что в случае настоящей опасности эти конструкции почти бесполезны.

Лаура остановилась перед открытым проходом. Каждый раз, входя внутрь, она ощущала короткое сопротивление — не страх, а необходимость заново принять невозможность происходящего. За порогом не было запаха пыли, ржавчины или замкнутого пространства. Корабль сохранился так, будто последние шестьдесят пять миллионов лет прошли где-то снаружи.

Свет возник вдоль стен, когда группа вошла. Он включался участками, следуя за людьми. Поверхность пола оставалась матовой и упругой, едва заметно реагируя на шаги.

— Освещение стало включаться раньше, — сказала София.

— На полторы секунды, — подтвердил Марк. — Возможно, система теперь быстрее распознаёт присутствие.

— Или просто вышла из режима экономии, — предположил Эстебан.

Они добрались до центрального зала по знакомому маршруту. Здесь находился управляющий узел, который команда месяцами пыталась понять. Изогнутая панель не имела клавиш и экранов в человеческом смысле. Символы появлялись прямо над поверхностью, меняясь в зависимости от активности корабля.

Когда Лаура приблизилась, вдоль панели прошла голубоватая волна.

Эстебан остался в нескольких шагах.

— Ничего не касайся.

— Я помню.

София подключила переносной модуль записи. Земной прибор не мог напрямую взаимодействовать с кораблём, но фиксировал свет, электромагнитные изменения и едва различимые колебания поверхности.

На панели появился первый символ. Затем ещё несколько. Они возникали группами, ненадолго задерживались и сменялись следующими.

Марк сверился со своими записями.

— Последовательность совпадает с утренней.

— Не полностью, — сказала София. — В середине добавился новый блок.

Она увеличила изображение на планшете. Система распознавания выделила повторяющиеся элементы и отметила их разными индексами.

— Этот блок появляется после каждого цикла, — объяснила она. — А этот мы видим впервые.

— Значение? — спросил Эстебан.

— Пока никакого. Программа не может связать его с действием.

Лаура следила за панелью.

— Корабль отвечает?

— Возможно, — сказала София. — Или подтверждает получение. Или проверяет состояние канала. Нам нужны десятки повторений, чтобы отличить постоянную часть протокола от содержания сообщения.

Символы исчезли. Панель сохранила слабое свечение.

Все приборы показывали стабильные значения.

Эстебан выдохнул и сделал пометку в журнале.

— Никакой новой активности.

— Ты говоришь так, будто разочарован, — заметил Марк.

— Я говорю как человек, который не хочет объяснять президенту, почему корабль открыл неизвестный отсек через час после его запрета что-либо активировать.

София отошла к краю зала и проверила запись. Лаура осталась у панели. Голубоватая линия под её ладонью стала чуть ярче, хотя она не касалась поверхности.

— Она реагирует на тебя сильнее, чем раньше, — сказал Марк.

— После сигнала реагирует сильнее на всех, — ответила Лаура.

— Не настолько.

Эстебан поднял голову.

— Сейчас не время возвращаться к этому вопросу.

— Мы не можем откладывать его бесконечно.

— Можем, пока у нас нет данных.

Лаура убрала руку за спину.

— Он прав. Любая версия сейчас будет спекуляцией.

Марк хотел что-то добавить, однако в этот момент на панели снова появились символы.

София резко развернулась к прибору.

— Новый цикл?

— Слишком рано, — сказал Марк. — До расчётного времени почти два часа.

Символы возникали быстрее прежнего. Они образовали знакомую последовательность, затем повторили её второй раз. После короткого перерыва появился блок, который София только что назвала новым.

На одном из земных датчиков дрогнула линия напряжения.

Эстебан поднял руку, останавливая охрану у входа.

— Всем оставаться на местах.

— Внешнее поле без изменений, — сообщила София. — Температура стабильная. Энергия идёт только в вычислительный узел.

Лаура сделала шаг к панели.

— Он распознал наше присутствие.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эстебан.

— Последовательность началась после того, как мы вошли.

— Это происходило и утром.

— Утром меня здесь не было.

Никто не возразил. Панель продолжала работать, но новых систем корабль не запускал.

София сопоставила две записи.

— Есть разница. Утром блок повторился один раз. Сейчас — дважды.

— Что это означает?

— Не знаю.

Она увеличила один из участков и несколько секунд изучала его.

— Возможно, система ждала подтверждения от внутреннего оператора.

Эстебан нахмурился.

— От Лауры?

— Я сказала «возможно».

— Корабль мог принять её за члена экипажа? — спросил Марк.

— Или за человека с подходящим уровнем доступа. Или вообще ни за кого не принимает, а просто использует биологические параметры, которые совпали с условиями запуска.

Лаура приблизила ладонь к поверхности, не касаясь её. Символы сразу замедлились.

— Не трогай, — повторил Эстебан.

— Не собираюсь.

— Тогда отойди.

Она отступила. Свечение ослабло, последовательность завершилась.

Несколько минут группа проверяла приборы. Никаких опасных изменений не произошло. В соседних секторах всё оставалось в прежнем состоянии.

Эстебан распорядился сохранить полную запись и установить круглосуточное наблюдение. До прибытия комиссии доступ к центральной панели разрешался только Лауре, Софии, Марку и двум инженерам смены.

Когда они вышли из корабля, над карьером уже стояла глубокая ночь. Ветер разогнал облака, и небо было усыпано звёздами. Рабочие прожекторы засвечивали часть горизонта, однако вдали от базы темнота оставалась почти нетронутой.

По дороге к подъёмнику София шла рядом с Эстебаном, прижимая планшет к груди.

— Я хочу поднять все записи с момента открытия челнока.

— Поднимай.

— Понадобятся дополнительные вычислительные мощности.

— Подготовь запрос.

— И люди.

— Выбери людей.

Она удивлённо взглянула на него.

— Просто так?

— Ты возглавляешь группу. Начинай привыкать.

София некоторое время молчала, затем кивнула.

Лаура задержалась у края площадки. Отсюда было видно, как вход в корабль остаётся освещённым после их ухода. Раньше свет гас через несколько секунд. Теперь внутреннее сияние сохранялось, словно система продолжала следить за пустым проходом.

Эстебан заметил это и подошёл к ней.

— Возможно, обычная смена режима.

— Возможно.

— Ты опять соглашаешься.

— Потому что у нас пока нет лучшего объяснения.

— А когда оно появится?

Лаура посмотрела на далёкий корпус.

— Когда мы поймём, что именно корабль сообщил о себе. И кому.

Наверху их ждали отчёты, совещания и подготовка к прибытию международной комиссии. На базе продолжали работать люди, прокладывались кабели, разгружалось оборудование, сменялись посты охраны. Всё выглядело привычно и почти буднично.

Только корабль больше не казался спящим.

И где-то за пределами Земли уже знали, что он проснулся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО НА КАРТЕ

София заметила изменения в шесть восемнадцать утра.

Ночная программа завершила очередное сопоставление данных после внешнего импульса и вывела на центральный экран обновлённую модель корабля. София ожидала увидеть знакомую сеть исследованных переходов, энергетические линии и несколько неуверенно распознанных участков. Вместо этого справа от центральной оси проступили новые контуры.

Сначала она решила, что два слоя схемы наложились со смещением. Такое уже случалось, когда земные датчики принимали отклик с разницей в несколько тысячных долей секунды: коридоры раздваивались, стены вытягивались в ложные пустоты, помещения разных уровней соединялись между собой. Повторный расчёт обычно устранил ошибку.

София запустила обработку на резервном сервере, извлекла архивную копию схемы, сохранённую до поездки в Буэнос-Айрес, и наложила изображения друг на друга. Известные маршруты программа отметила белым, неактивные и нераспознанные зоны — серым. Новые линии остались голубыми: они начинались возле центральной части корабля и расходились в четырёх направлениях. На обычный сбой это уже не походило.

Дежурный инженер снял наушники и потянулся, разминая плечи.

— Ты опять не спала?

— В самолёте немного.

— Два часа в кресле не считаются сном.

— Тогда не спала.

Он подошёл ближе, но София успела свернуть часть окон.

— Что там?

— Ещё не знаю.

— По твоему лицу не скажешь, что это обычная проверка.

— Позови Марка. Только без объявления по общей связи.

— Он ушёл отдыхать час назад.

— Значит, ещё не успел заснуть по-настоящему.

Инженер вздохнул, но спорить не стал.

Марк Стивенс появился через одиннадцать минут. Рубашка была застёгнута не на ту пуговицу, седые волосы торчали в разные стороны, а в руках он держал два бумажных стакана. Один поставил перед Софией.

— Свежий кофе. Старый можешь передать археологам как образец раннего периода проекта.

— Спасибо.

— Надеюсь, ты подняла меня не из-за колебания температуры на одну десятую градуса. В противном случае я вернусь в кровать и заберу кофе.

София развернула экран. Марк дочитал отметки времени, отставил стакан и открыл исходные записи. Проверил алгоритм построения модели, увеличил несколько фрагментов и запустил выборочный расчёт вручную.

— На двух серверах считала?

— Да.

— С архивной схемой сравнивала?

— Сначала с ней.

— Отражённый сигнал от известных уровней?

— Тогда новые линии повторяли бы существующую геометрию. Эти уходят туда, где карта раньше ничего не показывала.

Марк приблизил первую группу. Длинный переход заканчивался двумя рядами одинаковых блоков. Вторая область располагалась выше медицинско-биологического уровня. Третья тянулась к корме, куда уходили мощные энергетические каналы. Четвёртая выглядела цельным объёмом без внутренней структуры и видимого пути доступа.

— Физически они, скорее всего, были там с самого начала, — произнёс он.

— Но система их не показывала.

— Либо мы не умели вызвать нужный слой карты.

— Схема изменилась после сигнала. Первый контур появился во время ночного цикла, остальные добавлялись по мере обработки.

Марк пролистал временную последовательность и окончательно проснулся.

— Будим Эстебана и Лауру.

— Они вернулись с корабля три часа назад.

— Сегодня на этой базе никто не получит нормального сна.

Эстебан вошёл в центр управления в шесть сорок девять. Он успел переодеться, но бессонная ночь осталась на лице. Лаура появилась следом, застёгивая куртку проекта. Волосы она собрала на ходу, и одна прядь упрямо выбивалась у виска.

— Только не говорите, что пришёл ещё один ответ, — сказала она, занимая место у экрана.

— Внешнего импульса земные датчики не зарегистрировали, — объяснила София. — Изменилась внутренняя схема.

София провела их по исходным записям, промежуточным расчётам и результатам независимых обработок. Эстебан выслушал молча и заговорил лишь тогда, когда на экране снова появились четыре голубые области:

— Ошибку исключили?

— Полностью — нет. Но два сервера дали один результат, архивная модель совпадает во всех старых участках, а новые контуры сохраняются при повторных расчётах.

— То есть вероятность сбоя невелика.

— Именно.

Лаура подошла к экрану.

— Четыре новых сектора?

— Пока лучше говорить о группах помещений. Часть линий может относиться к разным уровням.

Марк увеличил область рядом с центром корабля.

— Здесь около двадцати одинаковых блоков.

— Двадцать? — Лаура присмотрелась к схеме.

Эстебан сразу уловил ход её мысли.

— Столько членов экипажа покинуло основной корабль на аварийном звездолёте. Совпадение интересное, но пока только совпадение.

— Я ничего не утверждала.

— И всё же подумала о каютах, — заметил Марк.

— Или о личных модулях, рабочих ячейках, хранилищах, — перечислил Эстебан. — В отчёте это будет называться «повторяющиеся помещения неизвестного назначения».

— Иногда ты умеешь лишить открытие всего очарования.

— Зато потом не приходится отзываться красивые версии.

София вывела временную шкалу. Участки проявлялись не одновременно: сначала контур, связанный с энергетической сетью, затем верхний уровень, после него область рядом с биологическими системами. Замкнутый объём без маршрута возник последним.

— Порядок совпадает с изменением нагрузки после внешнего импульса, — сказала она. — Корабль перераспределил энергию, включил часть жизнеобеспечения и вычислительных систем. Карта могла обновляться вслед за внутренней проверкой.

— Значит, он не обязательно показывает отсеки нам, — подвёл итог Эстебан.

— Да. Мы можем видеть результат его собственной диагностики.

Лаура опёрлась ладонями о край стола.

— Проверить это можно только внутри.

— Проверить карту, — уточнил Эстебан. — Не открывать проходы.

— Я и не собиралась идти туда одна.

— Хорошо.

Она чуть приподняла бровь.

— Даже не станешь спорить?

— Берегу силы на тот случай, когда ты действительно предложишь что-нибудь опасное.

Спустя сорок минут небольшая группа спускалась в карьер. За ночь на базе появились дополнительные машины связи и два лабораторных модуля. У внешнего периметра менялась смена охраны, по временной железнодорожной ветке тянулся состав с оборудованием, над южным склоном завис вертолёт.

После выступления президента на Генеральной Ассамблее ООН существование корабля перестало быть государственной тайной. За ограждениями дежурили журналисты, на ближайших дорогах появлялись машины с иностранными номерами, а спутниковые снимки раскопа обсуждали в новостях почти в реальном времени. Но всё, что происходило внутри объекта, по-прежнему оставалось доступно лишь узкому кругу людей.

Главный вход был открыт. Его края сливались с корпусом так, словно проход сформировался в цельной поверхности без створок и механизмов. За ним начинался широкий коридор, где освещение возникало по мере приближения людей.

У контрольной линии Эстебан остановил сопровождавшую их охрану.

— В центральный зал идут наша группа и два инженера. Остальные остаются на известном маршруте.

Старший смены сверился с ночными инструкциями.

— Министр Ибарра приказал усилить сопровождение внутри объекта.

— Усилить охрану — не значит поставить вооружённых людей рядом с интерфейсом, принцип работы которого нам неизвестен.

— Мне нужно подтверждение начальника базы.

— Запрашивайте.

Пока офицер связывался с командованием, Лаура проверила переносной датчик. Состав воздуха, температура и радиационный фон не отличались от прежних показателей. Разрешение пришло через несколько минут, и в корабль вошли четверо учёных и два инженера.

Освещение сопровождало их по знакомому маршруту. За месяцы исследований вдоль стен появились земные датчики, кабели и небольшие контрольные станции; у поворотов установили указатели, на полу обозначили безопасные зоны. Всё это выглядело хрупким и вре-

менным рядом с поверхностями, пережившими шестьдесят пять миллионов лет без трещин, коррозии и заметного износа.

София шла рядом с Марком, сопоставляя показания с ночной записью.

— Свет включается примерно на две секунды раньше.

— Корабль быстрее замечает нас, — предположил Марк.

— Или после сигнала перешёл в новый режим.

Эстебан не сбавил шага:

— Зафиксируйте изменение отдельно. С картой пока не связываем.

Центральный зал встретил их ровным рассеянным светом. Здесь находились управляющий узел и синяя сфера. Она по-прежнему реагировала на Лауру сильнее, чем на других, и накопленные данные подтверждали этот факт, но не объясняли его.

София подключила аппаратуру записи. Инженеры разместили датчики у дальней стены, сохраняя расстояние от интерфейса. Эстебан дождался подтверждения от каждого.

— Вызываем только общую схему. Если интерфейс предложит новую команду, ничего не подтверждаем. При изменении энергетического фона прекращаем сеанс.

Лаура приложила ладонь к синей поверхности. Под её пальцами возникло светлое кольцо, от него по сфере разошлись несколько дуг. Над центральной панелью сформировалась объёмная модель корабля.

Сначала появились известные участки: главный вход, центральные маршруты, Вертикальная дорога, транспортные линии, архивные помещения, биологический и защитный уровни. Большая часть трёхкилометрового корпуса по-прежнему оставалась затемнённой. Затем от центральной оси протянулась новая ветвь. Чуть выше обозначилась вторая, следом проявились ещё два участка.

София перенесла изображение с земной камеры на планшет и наложила его на утренний расчёт.

— Совпадение почти полное. Программа восстановила структуру правильно.

Новые линии набирали яркость. В первой области проступили два ряда одинаковых помещений, во второй — несколько камер разного размера вокруг общего пространства. Третью пронизывали энергетические каналы. Четвёртая сохраняла форму цельного тёмного объёма.

Марк обошёл панель, оценивая масштаб.

— Всё, что мы исследовали, занимает небольшую часть корабля.

— Это было ясно по размерам корпуса, — ответил Эстебан.

— Одно дело знать цифры. Другое — увидеть, сколько помещений всё это время находилось рядом.

София изменила угол модели.

— Если пропорции не искажены, новые области сопоставимы по объёму со всеми известными уровнями. Хотя часть помещений, вероятно, расположена одно над другим.

Лаура убрала руку со сферы. Раньше схема начинала гаснуть почти сразу, но теперь сохранилась без изменений.

— Контакт больше не нужен.

— Или нужен только для запуска, — заметил Марк.

Эстебан сформулировал осторожнее:

— После внешнего импульса интерфейс стал выдавать больше информации.

— «Выдавать» тоже спорно, — возразила София. — Карта могла появиться как часть внутренней диагностики, а мы просто видим её текущее состояние.

— Тогда так и сформулируем.

Лаура приблизила ладонь к сфере, не касаясь поверхности. Маршрут к области с повторяющимися помещениями стал ярче. Когда она отступила, свечение вернулось к прежнему уровню.

Марк нахмурился:

— Диагностика на присутствие конкретного человека обычно не реагирует.

— Повторим, — решил Эстебан.

Лаура снова подошла. На том же расстоянии корабль выделил маршрут, однако не показал команды открытия и не изменил геометрию проходов. После неё к сфере по очереди приблизились София, Марк и один из инженеров. Карта осталась прежней.

— Можно говорить о персональном распознавании, — сказала София. — Но не о причине. Корабль может учитывать биологические параметры, состояние организма или историю предыдущих взаимодействий.

— И стоя здесь мы этого не выясним, — отозвался Марк.

— Выясним, когда накопим достаточно наблюдений, — ответил Эстебан.

Лаура вернулась к карте.

— Маршрут всё равно закрыт.

София увеличила область с повторяющимися помещениями. Теперь различались двадцать блоков, хотя несколько контуров отображались не полностью. Каждый состоял из небольшого внешнего пространства и вытянутой внутренней камеры.

— На обычные каюты не похоже. Почти нет связей с жизнеобеспечением.

— Мы не знаем, какими были их жилые помещения, — напомнил Марк. — И карта может показывать не все коммуникации.

— Поэтому назначение не определяем, — вмешался Эстебан. — Фиксируем форму, количество и расположение.

Следующая область находилась над исследованным медицинско-биологическим уровнем. Внутри неё повторялся знак, связанный в их словаре с живыми организмами, но рядом присутствовали элементы, которых раньше не встречали.

София открыла архив символов.

— Основная часть совпадает с обозначениями биологического сектора. Дополнительный элемент появлялся возле медицинских платформ.

— Мы связывали его с восстановлением тканей, — напомнила Лаура.

— Это была рабочая версия. Он может обозначать развитие, изменение состояния или подготовку организма к процедуре.

— Новый биологический отсек, — предположил Марк.

Эстебан с привычной аккуратностью поправил:

— Область, связанная с биологическими системами.

— Я уже знаю, как будет выглядеть твой отчёт.

— Тогда сможешь проверить его быстрее.

Лаура изучала схему нового уровня.

— Прямого соединения с биохранилищем нет.

— Верно, — подтвердила София. — Это может быть отдельная исследовательская зона или часть медицинского комплекса, которая раньше была отключена.

Третий участок уходил к корме. С ним соединялись несколько мощных энергетических линий, нагрузка на которые после импульса выросла почти на девять процентов.

— Двигательная система? — предположил Марк.

— Либо распределительный узел, накопитель или технический сектор, — перечислил Эстебан.

— Наконец-то ты сам выдвигаешь версии.

— Обрати внимание: я не выбрал ни одну.

Четвёртая область вызывала больше вопросов. На карте она присутствовала, но внутренней структуры не имела. От центральной сети к ней не шло ни одного видимого маршрута. При попытке увеличить этот участок интерфейс возвращал модель к общему масштабу.

София изменила последовательность команд и повторила попытку. Результат остался прежним.

— Интерфейс не позволяет рассмотреть объём.

— Или не располагает подробной схемой, — предположил один из инженеров.

— Корабль должен знать собственную конструкцию, — возразила Лаура.

— Мы не уверены, что видим конструкцию целиком. Карта может отображать только активные связи.

Лаура снова приблизилась к сфере, однако закрытая область никак не отреагировала.

— К ней нет пути.

— На этой версии карты, — уточнила София. — Физический проход может быть скрыт или отключён.

Эстебан прекратил дальнейшие попытки.

— На сегодня достаточно. Сохраняем запись и сворачиваем интерфейс.

Лаура коснулась сферы. Известные маршруты начали исчезать вместе с новыми. Тёмный объём задержался на долю секунды дольше, после чего модель погасла полностью.

София отметила время и предложила временные обозначения: А — двадцать повторяющихся помещений, Б — зона, связанная с биологическими системами, В — энергетический участок, Г — объём без доступного маршрута.

— В официальном отчёте именно «области», — решил Эстебан. — Секторами они станут, когда мы подтвердим их границы и назначение.

— Области А, Б, В и Г, — повторила София, внося обозначения. — Принято.

В командном центре подготовили защищённый сеанс связи с Буэнос-Айресом. Рауль Ибарра подключился из рабочего кабинета; перед ним лежали схемы периметра и свежие сводки с базы.

Эстебан изложил результаты без предположений о назначении новых помещений. София показала обновлённую карту и порядок появления областей. Ибарра несколько раз возвращался к группе из двадцати одинаковых блоков.

— Вы связываете их с экипажем?

— Только количество совпадает с числом тех, кто покинул корабль на аварийном звездолёте, — ответил Эстебан. — Других оснований у нас нет.

— Физические входы обнаружены?

— На карте есть предполагаемый маршрут. Мы ещё не проверяли точку доступа.

— Почему?

— Сначала требовалось убедиться, что изменение схемы реально, а не является ошибкой обработки.

Ибарра пролистал полученный отчёт.

— Ваши предложения?

— Пассивное обследование: сканирование, анализ среды, камеры и датчики. До прибытия международной комиссии ничего открывать не будем.

Министр обратился к Лауре:

— Вы согласны с таким решением?

— Да. Один маршрут реагирует на моё присутствие. Корабль может воспринять приближение как команду, поэтому до приезда специалистов разумнее ограничиться наблюдением.

— У предполагаемых входов потребуется охрана.

— На ближайших развилках — да. У самих стен лучше оставить камеры и технических наблюдателей. Мы не знаем, как интерфейс отнесётся к вооружённым людям, а при неожиданном открытии прохода плотный пост только осложнит эвакуацию.

Ибарра не стал настаивать на первоначальном варианте.

— Вооружённые группы разместим на известных маршрутах. Расстояние согласуете с начальником безопасности базы. Если проход откроется сам, персонал отводится, наблюдение продолжается дистанционно.

— Это совпадает с нашим протоколом, — подтвердил Эстебан.

— Хорошо. Хотя эту часть решения не придётся вырабатывать в споре.

Ибарра продолжил:

— Состав первой группы комиссии утверждён. Они прибудут завтра вечером. Материалы по новым областям войдут в первоначальный пакет доступа, но руководство исследованиями остаётся за аргентинской группой.

— Накамура сможет оценить техническую часть, — сказала София. — Сара Лоран — предполагаемую биологическую область. Эмили Картер займётся связью изменений с внешним импульсом.

— Значит, ожидание оправдано научно, а не политически, — подытожил министр. — Зафиксируйте это. Позже желающих переписать последовательность решений будет достаточно.

После сеанса Эстебан оформил внутренний протокол: до прибытия комиссии — только дистанционные измерения и визуальный контроль; при любых изменениях в стенах, энергетике или составе среды персонал отходит к ближайшей безопасной точке.

Марк прочитал документ и вернул планшет.

— Орлов назовёт нас чрезмерно осторожными.

— Сначала пусть увидит корабль.

— Уокер, скорее всего, решит, что мер недостаточно.

— Тогда они уравновесят друг друга.

— Накамура не станет торопить доступ. С Сарой будет сложнее, если область Б действительно связана с биологией.

— Она профессионал, — напомнил Эстебан.

— Профессионализм любопытства не отменяет.

— Мы уже спорим с людьми, которые ещё не прилетели.

— Пользуйся моментом, — сказал Марк. — Скоро в каждой комнате будет не четыре мнения, а минимум восемь.

До обследования предполагаемых входов команда сделала перерыв. В столовой одновременно оказались ночная и утренняя смены, и свободный стол нашёлся только у дальней стены. София взяла омлет, хлеб и яблоко, но едва села, снова открыла планшет.

Лаура опустила крышку устройства.

— Сначала поешь.

— Программа продолжает сравнивать схемы.

— Она справится без тебя десять минут.

— За последние десять минут корабль уже однажды изменил карту.

— И все изменения записались. Омлет такой способности не имеет.

За соседним столом инженеры обсуждали приезд иностранных специалистов: потребует ли комиссия немедленного доступа к биохранилищу и сколько времени уйдёт на споры о полномочиях. Эстебан ожидал примерно того же. Каждый участник летел в Патагонию со своей областью интересов и обязательствами перед университетом, правительством или ведомством.

Марк, словно продолжая его размышления, спросил:

— Почему мы показываем им полную карту сразу?

— Потому что комиссия создавалась для совместного исследования, — ответил Эстебан.
— После их прибытия скрыть изменения всё равно не получится.

— Я не предлагаю скрывать. Можно было бы сначала разобраться самим.

— За полтора дня мы не разберёмся. Зато успеем создать впечатление, что пытаемся получить преимущество.

— Президент уже объявил о корабле всему миру, — сказала Лаура. — Если теперь Аргентина начнёт дозировать научные данные, комиссия быстро превратится в политическую декорацию.

— Она и без того частично ею станет, — заметил Марк.

— Тем более не стоит давать лишний повод.

После завтрака группа разделилась. Марк с инженерами занялся областью В, связанной с энергетической сетью. Эстебан, Лаура и София направились к предполагаемому доступу в область А.

Вертикальная дорога доставила их на один из средних уровней. На транспортной панели между знакомыми остановками появились три новых, более тусклых символа. Выбрать их было нельзя.

Они вышли на ближайшей известной остановке и прошли по коридору, заканчивавшемуся гладкой стеной. Согласно новой карте, за ней начинался переход к области А. Земные приборы не обнаружили ни шва, ни механизма, ни различий в составе материала. Температура совпадала с соседними участками, а ультразвуковой сканер вновь оказался бесполезен: материал поглощал сигнал без отражения.

София сверилась со схемой.

— Предполагаемый вход примерно в трёх метрах левее.

Они сместились вдоль стены. Когда Лаура остановилась в указанной точке, под тёмной поверхностью появилась тонкая светлая линия. Она очертила высокий прямоугольник со скруглёнными углами и замкнулась у пола.

Группа сохранила установленную дистанцию. Контур не расширялся, стена оставалась цельной.

— Отметьте положение и расстояние до Лауры, — распорядился Эстебан.

Инженер установил метку на полу. Лаура отступила — свет погас. Стоило ей вернуться на прежнее место, как контур проявился снова.

— Корабль уверенно распознаёт её присутствие, — сказала София. — Но проход автоматически не открывает.

— Проверим реакцию на остальных и закончим.

София заняла место Лауры. Затем к стене подошли Эстебан и инженер. Поверхность не изменилась.

Датчики установили на переносных стойках в нескольких метрах от предполагаемого входа, камеры направили на контур. Земное оборудование не соприкасалось с корпусом.

Эстебан передал старшему технической группы инструкции:

— Если контур появится без Лауры, сразу сообщаете в центр. При любом изменении формы стены отходите к Вертикальной дороге. Внутри не входить, даже если проход откроется полностью.

— Понял.

Следующая точка находилась рядом с медицинско-биологическим уровнем. Переход занял около сорока минут. Здесь корабль отреагировал иначе: когда вся группа вошла в помещение, на дальней стене появились четыре вертикальные линии. Они не образовали законченного контура, но над ними возник символ, совпадавший с обозначением области Б.

София сравнила его с архивом.

— Символ тот же, что на карте области Б: биологическая функция с дополнительным элементом, который встречался у медицинских платформ.

— Не обязательно восстановление тканей. Это может быть развитие организма, смена состояния или подготовка к процедуре.

— Пока можно утверждать одно: область включена в биологический контур корабля.

Датчики улавливали работу неизвестного механизма за стеной. Каждые девяносто две секунды возникала слабая вибрация, совпадавшая с циклом общей системы жизнеобеспечения. Поверхность была немного теплее соседнего участка, и температура держалась без колебаний.

— Область получает энергию, — сказала София.

— Либо за стеной проходит активный канал, — добавил Эстебан.

Она повернула к нему планшет.

— Ты собираешься весь день подбирать второе объяснение каждому выводу?

— Пока первое нельзя проверить — да. Это дешевле, чем потом исправлять отчёты.

У области В заметного входа не было. Энергетические линии уходили в толщу корпуса и исчезали за участком, недоступным земному сканированию. После внешнего импульса нагрузка там выросла почти на девять процентов и стабилизировалась.

Марк встретил их возле временной контрольной станции.

— Физического прохода не нашли. Если он существует, корабль пока его не обозначает.

— Энергия поступает без изменений? — спросил Эстебан.

— Да. Никаких температурных скачков, выбросов поля или вибраций.

— Оставляем наблюдение.

— Накамура будет в восторге.

— От чего?

— От системы, назначение которой нельзя определить, не включив её.

— Тогда ему предстоит полезная тренировка терпения.

С областью Г было сложнее. На карте она располагалась между двумя уровнями, однако ни один известный коридор не подходил к её внешней границе. Программа не находила энергетических связей, вентиляции или каналов передачи данных.

Лаура несколько минут изучала модель на планшете.

— Функционально она будто не относится к кораблю.

— Но находится внутри корпуса и отображается на его карте, — возразила София.

— Я о другом. Остальные области соединены с общей сетью. Эта изолирована.

— Либо связи существуют, но интерфейс их скрывает, — сказал Марк.

— Либо их действительно нет.

Эстебан не дал обсуждению уйти в догадки.

— Пока область Г — только объём на схеме. Без маршрута, данных и подтверждённых функций. Этого достаточно для отчёта.

К середине дня пассивное обследование завершили. Ни один проход не открылся. Изменения ограничивались картой, новыми остановками Вертикальной дороги и реакцией предполагаемого входа на присутствие Лауры.

Команда вернулась в центральный зал. София вызвала обновлённую схему и наложила на неё результаты измерений.

— У области А есть физическая точка доступа, но проход закрыт. Б связана с активной системой жизнеобеспечения. В получает энергию. По Г данных почти нет.

— И ни одна не требует немедленного вмешательства, — заключил Эстебан. — Ждём комиссию.

Марк провёл пальцем над изображением области А.

— Корабль мог показать карту, потому что ожидает действий.

— Не исключено.

— Тогда наше бездействие тоже будет ответом.

— Это решение можно отменить. Если мы войдём и запустим неизвестный процесс, вернуть систему в прежнее состояние может не получиться.

— Комиссия будет здесь завтра вечером. Если мы сейчас откроем проход вчетвером, это будет любопытство, а не исследовательский протокол.

София ещё раз вывела временную последовательность.

— И мы всё ещё не знаем, предназначена ли эта карта для нас. Возможно, корабль просто провёл внутреннюю диагностику, а мы увидели результат через интерфейс.

— Реакция на Лауру может быть отдельной функцией. Одно не исключает другого.

Лаура отошла от сферы.

— Значит, ждём комиссию и не приписываем кораблю намерений, которых пока не можем доказать.

Вернувшись в административный модуль, Эстебан зафиксировал решение: новые области остаются закрытыми, наблюдение переводится на круглосуточный режим, любые изменения автоматически уходят основной группе.

Рауль Ибарра утвердил протокол без дополнительных требований. Вооружённые посты разместили на развилках известных маршрутов; у предполагаемых входов оставили камеры и пассивные датчики.

К вечеру карта не изменилась. Лаура отправилась в биологический сектор проверить стабильность систем, Марк занялся энергетическими показателями области В, Эстебан проводил совещание с инженерами и руководством базы.

София согласилась поспать четыре часа, но вернулась в центр управления через три с небольшим. На столе лежало несъеденное утреннее яблоко и записка Марка: «Карта стабильна. Сначала яблоко».

Она выполнила хотя бы половину указания, затем вошла в систему.

Все четыре области оставались на месте. Контур у области А дважды появлялся без Лауры и через несколько секунд исчезал. Камеры не зафиксировали движения стены, энергетические показатели оставались стабильными.

Покадровое сравнение выявило небольшое расхождение возле центральной оси. Программа сочла его допустимой погрешностью, но линия повторялась кадр за кадром.

Она увеличила изображение.

За коротким участком проступал ещё один объём — заметно меньше четырёх известных. Без внутренней структуры, обозначения и завершённого маршрута; контур формировался постепенно, словно карта всё ещё обновлялась.

Дежурный инженер подошёл к её столу.

— Ещё один участок?

— Похоже на то.

— Вызывать Эстебана?

София проверила энергопотребление, внутренние датчики и камеры у предполагаемых входов. Всё оставалось стабильным.

— Отправь уведомление основной группе и поставь сравнение раз в минуту. Разбудим их, если появится точка доступа или изменится нагрузка.

Она открыла журнал и внесла новую строку:

«19:43. Начало отображения дополнительного внутреннего объёма. Функциональная принадлежность и маршрут доступа не определены».

До прибытия комиссии оставалось около суток. София сохранила запись и вернулась к сравнению кадров. На утреннем совещании им предстояло обсуждать уже не четыре области.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УРОВЕНЬ ДОСТУПА

К пяти часам утра София перестала следить за временем.

На одном экране обновлялась внутренняя карта корабля, на втором шло сравнение энергетических показателей, на третьем — архивные записи, накопленные за месяцы исследований. Пятый объём, замеченный накануне вечером, несколько раз появлялся возле центральной оси и снова терял чёткие границы. Он был меньше четырёх новых областей и не имел постоянного маршрута, однако программа уже не считала его случайной погрешностью.

София попыталась связать его появление с работой энергетической сети. Совпадений не нашлось. Температура корпуса оставалась стабильной, вычислительный узел не выходил за пределы обычной нагрузки, а системы жизнеобеспечения продолжали работать в прежнем режиме.

Тогда она сопоставила изменения карты с передвижениями исследовательских групп.

В девятнадцать тридцать одну Лаура вошла в биологический сектор. Через несколько минут на модели обозначилась первая линия нового объёма. В двадцать часов восемь минут она покинула корабль. Вскоре контур начал ослабевать, а затем исчез почти полностью.

София проверила служебные журналы, записи камер и данные браслетов допуска. Ошибки во времени не было.

Она выбрала более ранний фрагмент. Днём, когда Лаура находилась у предполагаемого входа в область А, карта показывала маршрут значительно отчётливее, чем после её ухода. То же самое происходило возле центральной сферы. Прежде команда считала это обычной реакцией интерфейса на присутствие Лауры, но теперь система меняла не только освещение и символы. Она показывала ей больше внутренних данных.

Объяснение напрашивалось, но одного совпадения было недостаточно. София открыла архив с момента обнаружения челнока и запустила поиск по всем последовательностям, возникавшим после контакта Лауры с его поверхностью.

Система анализа нашла сто сорок семь совпадений.

Большинство оказалось бесполезным: стандартные энергетические циклы, повторяющиеся элементы интерфейса, команды освещения и транспортных систем. София сузила поиск до блока, появлявшегося непосредственно перед реакцией на Лауру.

На экране остались девять записей.

Самая ранняя была сделана в день, когда они впервые вошли в челнок.

София вывела её на большой монитор.

Изображение с переносной камеры заметно дрожало. На стенах ещё не было земных датчиков и световых меток, а люди двигались осторожно, не понимая, где заканчивается обычная поверхность и начинается управляющая панель. Лаура стояла у гладкой стены, на которой за несколько секунд до этого проступили тонкие линии.

Она протянула руку.

Запись сохранила момент первого прикосновения: свет под ладонью, расходящиеся дуги, внезапное изменение поля. Все тогда смотрели на формирующийся проход и не обратили внимания на короткую последовательность, появившуюся у самого края панели.

Теперь программа выделила её жёлтой рамкой.

Четырнадцать элементов. Первые шесть повторялись во всех девяти найденных записях. Остальные менялись в зависимости от последующего действия корабля.

София увеличила изображение. Затем подняла данные с центральной сферы, с главного входа, с Вертикальной дороги и со стены возле области А.

Один и тот же блок появлялся каждый раз, когда система начинала реагировать на Лауру.

Перечитав отметки времени, она отправила сообщение Эстебану, Марку и Лауре:

«Нужно собраться в центре управления. Это связано с первым контактом в челноке».

Эстебан ответил почти сразу:

«Через двадцать минут».

Лаура прислала одно слово:

«Иду».

Марк не ответил, но появился первым.

Он вошёл в зал с бумажным стаканом и остановился у рабочего места Софии.

— Я начинаю подозревать, что ты вообще не уходишь отсюда.

— Уходила на сорок минут.

— Домой?

— В серверную.

— Тогда моё подозрение остаётся в силе.

София вывела рядом две записи. Слева Лаура касалась панели челнока в день его открытия, справа стояла возле синей сферы накануне вечером. Марк наклонился к экрану, сравнил выделенные блоки и отставил стакан.

— Они одинаковые?

— Первые шесть элементов совпадают полностью. Дальше система добавляет команду или описание действия. По крайней мере, так выглядит последовательность.

— Почему мы не заметили её раньше?

— Потому что искали значение символов, а не условия их появления. Этот блок длится меньше секунды и почти всегда возникает одновременно с более заметной реакцией.

Марк открыл одну из старых записей.

— Он появляется только при контакте?

— Не обязательно. Вчера возле области А Лаура не касалась стены. Ей хватило подойти на определённое расстояние.

— Значит, корабль сначала обозначает её, а потом выполняет действие.

— Или подтверждает, что действие относится именно к ней.

Эстебан и Лаура вошли вместе. Эстебан уже успел прочитать отправленные Софией материалы. Лаура села напротив экрана и положила рядом планшет.

— Ты написала, что это связано с первым контактом.

— Возможно, тогда корабль создал твой профиль.

— Профиль в каком смысле?

— Биологический идентификатор, учётная запись, допуск. Пока можно подобрать десяток названий, и ни одно не будет точным.

Эстебан встал за соседним столом.

— Сначала покажи факты.

София последовательно открыла девять совпадений: первый контакт с челноком, открытие скрытого входа, активацию внутренней панели, реакцию главного корабля на Лауру, запуск части транспортной системы и появление маршрута к области А.

Во всех случаях первым возникал блок из шести элементов. После него следовали символы, связанные с конкретным действием.

— На других людях он появлялся? — спросил Эстебан.

— Я проверила записи с твоим участием, с Марком, инженерами и охраной. Ничего похожего. Есть общие обозначения живых объектов, но этот блок встречается только рядом с Лаурой.

— Может быть, он описывает не человека, а условие активации, — предположил Марк.

— Поэтому я не называю его именем Лауры. Пока это лишь повторяющаяся последовательность, связанная с её присутствием.

Лаура прокрутила первую запись назад.

На экране снова повторился момент первого прикосновения: Лаура протянула руку к стене челнока, свет прошёл под кожей, затем у края панели возникли четырнадцать символов. В тот день все были заняты открывающимся проходом.

— Сколько длилась первая реакция? — спросила она.

— Четыре целых две десятых секунды между прикосновением и началом открытия.

— Я помню меньше.

— Ты отдернула руку только после того, как контур двери стал виден.

Марк увеличил показатели с переносного датчика.

— За эти четыре секунды система могла собрать достаточно данных. Температура, электропроводность тканей, сердечный ритм, химический состав кожи.

— И нервная активность, если её приборы способны считывать поле на расстоянии, — добавила София.

Эстебан не спешил соглашаться.

— Даже если корабль отсканировал Лауру, это ещё не означает, что он предоставил ей доступ.

София вывела карту предыдущего вечера.

— Пятый объём появился, когда Лаура вошла в биологический сектор, и начал исчезать после её выхода. Область А отображается ярче в её присутствии. Вертикальная дорога показывает дополнительные остановки, если она находится рядом с панелью. Есть устойчивая связь между распознаванием профиля и количеством доступной информации.

— Рабочая гипотеза? — спросил Эстебан.

— Корабль зарегистрировал её при первом полноценном контакте и с тех пор использует сохранённый профиль.

— Получается, я была первой.

— Первой, кто довёл нужную последовательность до конца, — уточнила София. — До тебя корпус трогали рабочие, инженеры и охрана. Но они использовали инструменты, перчатки или касались неактивных участков. Ты первой вступила в контакт с интерфейсом и не прервала его до завершения реакции.

Марк вернулся к записи из челнока.

— Это похоже на регистрацию нового пользователя после аварии. Корабль оставался законсервированным миллионы лет. Экипажа нет, штатные операторы не отвечают, появляется местное разумное существо. Система создаёт временный профиль, чтобы хотя бы кто-то мог управлять базовыми функциями.

— Или считает Лауру членом экипажа, — сказала София.

— Она не похожа на существ ростом два с половиной метра.

— Мы рассуждаем по человеческой логике. Для системы внешние пропорции могут иметь меньшее значение, чем биохимия или структура нервных сигналов.

— Если дело в биологии, почему корабль выбрал только меня? У остальных людей те же основные параметры.

— Именно это и нужно проверить, — ответила София.

Эстебан закрыл часть окон на экране.

— Проведём ограниченный эксперимент. Без команд открытия, без активации новых маршрутов и без попыток изменить существующий профиль.

— Я правильно понимаю, что ты согласился быстрее, чем обычно?

— Потому что сейчас можно получить данные, не заходя в неизвестный отсек.

— Запомню этот день.

— Запиши время. София всё равно ведёт журнал.

Подготовка заняла около часа.

Сначала Лаура прошла стандартное обследование в медицинском модуле. Врачи записали температуру, пульс, электрическую активность сердца и мозга, состав воздуха при выдохе, влажность кожи и несколько десятков других параметров. Ничего необычного: все значения укладывались в диапазон здорового взрослого человека после нескольких ночей с недостатком сна.

— Если корабль выбрал тебя из-за идеального физического состояния, он ошибся, — сказал Марк, просматривая сводку.

— Передай ему официальную жалобу.

— Сначала придётся понять, где у него приёмная.

София подготовила три варианта проверки. В первом Лаура должна была войти в центральный зал в обычной одежде. Во втором — в изолирующем костюме, закрывавшем кожу и волосы. В третьем она оставалась за пределами зала, пока к интерфейсу подходили остальные участники.

Они спустились в корабль незадолго до семи утра. На базе начиналась дневная смена: по уступам карьера двигались грузовики, у административных модулей разгружали оборудование, а на внешней дороге уже собирались журналисты. Международная комиссия должна была прибыть только на следующий день.

У входа Эстебан ещё раз напомнил порядок действий.

— Сначала наблюдаем. Лаура ничего не касается без отдельной команды. Если карта предлагает неизвестную функцию, сеанс прекращаем.

— Ты повторяешь это третий раз, — сказала она.

— Значит, к концу дня запомнишь окончательно.

— Я запомнила после первого.

— Тогда остальные два раза были для Марка.

— Я вообще ничего не собирался трогать, — возразил тот. — По крайней мере, без предупреждения.

Центральный зал находился в нейтральном режиме. Сфера сохраняла ровный синий цвет, над управляющей панелью не было символов. София включила запись и проверила синхронизацию часов.

Лаура вошла первой. Примерно в восьми метрах от сферы по её поверхности прошла световая дуга. Через секунду над панелью возник знакомый блок из шести элементов, а следом — общая карта корабля.

— Контакта нет, — отметила София. — Реакция началась при пересечении границы зала.

Лаура остановилась на нанесённой земной краской отметке.

Карта удерживала известные маршруты и четыре новых области. Пятый объём пока не отображался.

— Подойди на два метра, — сказал Эстебан.

Она сделала несколько шагов. Область А стала ярче, а возле центральной оси появилась короткая линия.

София сопоставила изображение с записью предыдущего вечера.

— Начинается формирование пятого объёма.

— Без прикосновения, — напомнил Марк.

— Да. Система определяет присутствие Лауры на расстоянии.

Лаура подошла ещё ближе. Контур небольшого объёма приобрёл чёткую внешнюю границу, но маршрут к нему по-прежнему отсутствовал. Когда она отступила к входу, линия ослабла.

Эстебан дождался, пока карта вернётся к исходному виду.

— Первый этап закончен. Теперь костюм.

В соседнем помещении Лаура надела лёгкий защитный комплект, который обычно использовали при работе в биологическом секторе. Материал закрывал руки, шею и волосы, а прозрачный шлем имел автономную систему подачи воздуха. На внешней поверхности не осталось ничего из её обычной одежды, кроме встроенного браслета связи, который по просьбе Софии тоже отключили.

Когда Лаура вернулась в зал, сфера отреагировала на том же расстоянии.

— Значит, корабль не ориентируется на лицо, одежду или открытые участки кожи, — произнесла София.

— По крайней мере, не только на них, — поправил Эстебан.

Лаура остановилась у дальней отметки. Блок из шести символов возник без изменений. Следом проявилась карта.

— Состав воздуха изолирован, — продолжила София. — Запах, дыхание и частицы кожи тоже можно исключить как основные признаки.

— Остаются масса, температура тела, поле организма и то, что мы пока не умеем измерять, — сказал Марк.

— А также сохранённая модель её движений, — добавил Эстебан. — Корабль наблюдает за ней несколько месяцев.

София внесла эту версию в протокол.

Следующий тест провели без Лауры. Она вышла в соседний коридор, после чего к сфере подошёл Марк. Свет не изменился. Эстебан повторил попытку с другой стороны панели, затем София встала на ту же отметку, где прежде находилась Лаура. Карта не появилась.

— Попробуем контакт, — предложил Марк.

— Только с известной частью поверхности, — разрешил Эстебан.

Марк положил ладонь на сферу. Под его пальцами возникло слабое кольцо, но оно погасло, не распространившись дальше. София получила такую же реакцию. У Эстебана свет продержался немного дольше, однако управляющая панель осталась пустой.

— Он видит нас, — сказала София. — Но не связывает с активным профилем.

— Позови Лауру, — распорядился Эстебан.

Она вернулась в зал всё ещё в защитном костюме. Сфера активировалась ещё до того, как Лаура приблизилась к остальным. Марк держал ладонь на поверхности, но световая дуга прошла не от его руки: она возникла с противоположной стороны, обращённой к Лауре.

— Это уже трудно объяснить случайным совпадением, — сказал он.

София развернула трёхмерную запись.

— Система отслеживает её положение. Реакция ориентирована на профиль, а не на точку контакта.

— Сними руку, — попросил Эстебан.

Марк отошёл. Карта продолжала удерживаться перед Лаурой.

Она сняла шлем, но не приблизилась к сфере.

— Допустим, корабль действительно зарегистрировал меня. Почему именно сейчас он начал показывать новые помещения?

— После внешнего импульса режим работы мог измениться, — ответила София. — Система получила подтверждение от удалённого источника, завершила внутреннюю проверку и расширила доступ зарегистрированному оператору.

— Или приготовилась к возвращению экипажа, — предположил Марк.

— Тогда мой профиль должен был стать ненужным.

— Если штатных операторов всё ещё нет, временный доступ мог сохраниться.

— Вы называете меня оператором, но я не могу выбрать остановку, открыть проход или получить перевод символов.

— Значит, доступ ограничен, — сказал Эстебан. — Корабль позволяет тебе запускать базовые функции и видеть часть информации, но не передаёт полный контроль.

— Для системы, которая познакомилась с новым видом несколько месяцев назад, это логично, — добавила София. — Она могла создать профиль минимального уровня: достаточный для контакта, но не для управления кораблём.

— Можно ли добавить второй профиль? — спросил Марк.

— Сегодня — нет, — отрезал Эстебан.

— Я не предлагаю нажимать случайные символы. Но если система зарегистрировала Лауру автоматически, она может попытаться сделать то же самое с кем-то ещё.

— За несколько месяцев система этого не сделала.

— Возможно, ждёт подтверждения от первого оператора.

— Допустим, Марк прав. Что произойдёт, если я случайно подтвержу его доступ?

— В лучшем случае у корабля появится второй зарегистрированный человек, — ответил Эстебан. — В худшем мы запустим передачу полномочий, отключим твой профиль или активируем неизвестный протокол.

— Поэтому ничего не подтверждаем, — заключила она.

Марк не стал продолжать спор. Вместо этого предложил проверить, существует ли связь между центральным кораблём и челноком. Если профиль Лауры был создан во время первого контакта, исходная запись могла храниться именно там.

Эстебан согласился при условии, что они ограничатся наблюдением.

До челнока добирались почти час. Он находился выше основного корпуса, в отдельной части раскопа, куда вели временная лестница и грузовая платформа. После обнаружения главного входа интерес к нему уменьшился, но техническая группа продолжала поддерживать внутри постоянное наблюдение.

Снаружи челнок казался небольшим по сравнению с трёхкилометровым кораблём. Пятнадцатиметровый корпус лежал в породе под углом, словно когда-то совершил аварийную посадку или был отброшен ударной волной. Его поверхность уже очистили от большей части грунта, установили вокруг опоры и защитный навес.

Внутри почти ничего не изменилось: узкий проход, два сиденья неизвестного назначения, управляющая поверхность и скрытая дверь, впервые открывшаяся после прикосновения Лауры.

София разместила датчики на тех же точках, что и в день первого контакта. Лаура осталась у входа. Панель была тёмной.

— Начинаем с расстояния, — сказал Эстебан.

Лаура сделала один шаг. Реакции не последовало. После второго шага на поверхности появилась едва заметная линия. На третьем свет расширился, а у края панели возник блок из шести символов.

София сразу вывела рядом архивную запись.

— Совпадает. Та же последовательность, что в первый день.

За основным блоком появились ещё три элемента. Программа не смогла связать их ни с одной известной командой.

— В прошлый раз после этого открылась дверь.

— Потому что ты прикоснулась к панели, — напомнил Эстебан. — Сейчас продолжаем без контакта.

Символы удерживались несколько секунд, затем погасли. Дверь не открылась.

Марк сравнивал форму световых линий.

— Посмотрите на первый элемент. Он не просто повторяется. В старой записи после прикосновения его структура изменилась.

София увеличила изображение.

На первый взгляд знак оставался прежним, но внутри него действительно добавилась короткая дуга. В последующих записях она присутствовала постоянно.

— До контакта одна версия, после контакта другая, — сказала она. — Как незаполненная и заполненная метка.

— Или запрос и подтверждение, — предположила Лаура.

— Именно.

На архивных кадрах переход повторялся неизменно: до первого прикосновения корабль показывал простой знак, после четырёхсекундного сканирования внутри появлялась дуга. С тех пор интерфейс использовал только заполненный вариант.

— Возможно, это статус распознавания, — сказала София. — Первый знак обозначает неопознанное живое существо, второй — уже распознанное.

Эстебан сверился с временными отметками.

— Насколько уверенно можно это утверждать?

— Пока лишь как рабочую версию. Но переход произошёл один раз, в момент первого контакта, и больше не повторялся.

— Нужно проверить исходный знак на ком-то другом, — сказал Марк.

— Без прикосновения.

Марк занял место Лауры. Панель отреагировала слабым свечением. Через несколько секунд у края появился простой элемент — без внутренней дуги.

— Вот он, — сказала София.

Эстебан подошёл следом. Интерфейс показал тот же незаполненный знак. Когда София встала перед панелью, результат повторился.

Затем вернулась Лаура.

Простой элемент исчез, сменившись заполненным.

— Корабль различает неопознанных людей и её профиль.

— Различает, но мы ещё не знаем, что означает различие, — напомнил Эстебан.

— Формально — да. Практически у нас уже достаточно данных, чтобы перестать считать реакцию случайной.

Лаура подошла ближе к панели, не касаясь её.

— Почему он не зарегистрировал вас сейчас?

— Возможно, для этого нужен полный контакт, — сказала София.

— Или свободное место только одно, — предположил Марк.

— Или регистрацию должен подтвердить уже существующий оператор, — добавил Эстебан. — Именно поэтому мы не продолжаем.

На поверхности челнока появился новый рисунок. Заполненный знак Лауры находился слева, незаполненный — справа. Между ними возникла линия с двумя короткими ответвлениями.

— Это появлялось раньше? — спросила Лаура.

София быстро проверила архив.

— Нет.

— Система показывает два профиля, — сказал Марк. — Мой и её.

— Мы не знаем, профили ли это, — возразил Эстебан, но на этот раз его голос прозвучал менее уверенно.

Линия между символами стала ярче. Рядом сформировались три небольших элемента, похожих на варианты выбора.

— Все от панели, — приказал Эстебан.

Марк сделал шаг назад. Незаполненный знак погас, линия исчезла. На поверхности осталась только метка Лауры.

Она тоже отступила. Через несколько секунд панель вернулась в нейтральное состояние.

София сохранила запись в отдельный защищённый архив.

— Похоже, система действительно предложила действие, связанное с двумя людьми.

— Добавление доступа, передача допуска, сравнение профилей, медицинская проверка, — перечислил Эстебан. — Пока вариантов больше, чем данных.

— Тогда это объясняет, почему корабль не создаёт новые профили автоматически, — сказала Лаура. — Возможно, после первого контакта требуется моё участие.

— Или он просто не доверяет нам настолько, чтобы создавать десятки операторов подряд.

— Разумная предосторожность, — заметила София.

Эстебан завершил эксперимент. Различие между профилем Лауры и остальными людьми подтвердилось; кроме того, обнаружилась неизвестная функция, связывавшая два обозначения. Этого было достаточно, чтобы не рисковать продолжением.

На обратном пути Лаура почти не участвовала в разговоре.

Она сидела у окна внедорожника, наблюдая за стенами карьера. По уступам двигалась техника, рабочие укрепляли новые площадки, вдоль железнодорожной ветки тянули кабели связи. Ещё недавно всё это было обычной инженерной операцией. Теперь каждый установленный датчик становился частью исследования технологии, созданной до появления человека.

Эстебан закрыл планшет с предварительным протоколом.

— О чём думаешь?

— О первом дне в челноке.

— Мы все сегодня о нём думаем.

— Я тогда прикоснулась к стене, потому что остальные способы не работали. Никакого решения не принимала.

— Большинство важных решений сначала выглядят именно так.

— Если корабль отправил сигнал после моей активации, выходит, всё началось с этого прикосновения.

— Между первым контактом и внешним импульсом прошло несколько месяцев.

— Но система могла выйти из консервации поэтапно.

— Могла. Но мы пока не знаем, отправил ли корабль сообщение после твоего контакта, после открытия главного входа или после запуска управляющего центра. Ответственность нельзя назначать раньше, чем установлена причина.

— Я не говорю об ответственности.

— Говоришь. Просто другим словом.

На одном из верхних уступов монтировали новую антенну, хотя никто не верил, что обычная связь поможет поймать следующий импульс. За внешним периметром виднелись машины телевизионных групп.

— Завтра сюда приедет комиссия, — сказала она. — Если они узнают, что корабль считает меня оператором, исследования быстро превратятся в спор о том, кому я должна подчиняться.

— Ты не являешься собственностью проекта.

— Но доступ, связанный со мной, будут рассматривать как ресурс.

— Поэтому в официальном документе не будет слова «оператор».

— А что будет?

— «Устойчиво распознаваемый индивидуальный профиль с ограниченной реакцией интерфейса».

— Этого хватит, чтобы усыпить половину комиссии.

— Зато вторая половина дочитает до приложений.

В центре управления их уже ждал предварительный анализ Софии. Она разделила данные на подтверждённые наблюдения и гипотезы. В первой части уместилось всего пять пунктов.

Корабль различал Лауру и остальных людей.

Устойчивый идентификатор появился после первого непосредственного контакта с панелью челнока.

Система распознавала Лауру независимо от одежды, открытых участков кожи и средств связи.

В её присутствии интерфейс показывал дополнительные элементы карты.

При совместном присутствии Лауры и другого человека возникала неизвестная последовательность, предположительно связанная с взаимодействием двух профилей.

Эстебан перечитал последний пункт и пометил его.

— Это уже интерпретация. Перенеси в гипотезы.

София подчинилась без спора.

— Как назвать сам идентификатор?

— Профиль Л-1, — предложил Марк. — Нейтрально и понятно.

— Звучит как лабораторный образец.

— Можем назвать Лаурой, — сказал он. — Но тогда в каждом отчёте будет написано, что корабль распознал Лауру, вызвал Лауру и ожидает Лауру. Это ещё хуже.

— Л-1 подходит, — решил Эстебан. — По крайней мере, пока мы не поймём назначение профиля.

София внесла обозначение.

— Тогда незаполненный символ будет временно называться НП — неопознанный профиль.

— Лучше «незарегистрированный», — сказал Марк.

— Это заранее предполагает, что произошла регистрация.

— Верно. Оставим неопознанный.

— Ты можешь определить, что именно корабль считал во время первого контакта?

— Полных данных нет. Земные приборы тогда фиксировали только поле и температуру. Но можно восстановить порядок процесса. Сначала система обнаружила живой объект. Затем началось сканирование. После четырёх секунд символ изменился, и открылся проход.

— Значит, я прошла какую-то проверку.

— Возможно.

— Что могло проверяться?

— Биологическая совместимость с внутренней средой, уровень угрозы, способность сохранять контакт, реакция на сигналы интерфейса. Возможно, признаки разумного поведения.

— Последний вариант интереснее остальных, — сказал Марк. — До Лауры люди пытались сверлить корпус, воздействовали ультразвуком, нагревали поверхность и использовали режущие инструменты. Для корабля это могло выглядеть как работа примитивных механизмов или попытка повреждения.

— А Лаура подошла без инструмента и коснулась активного участка рукой, — продолжила София. — Затем не прервала контакт, когда система ответила.

— То есть я правильно прошла тест, о существовании которого не знала.

— Или просто оказалась первой, кто не мешал системе завершить сканирование.

— Не будем превращать это в красивую легенду, — сказал Эстебан. — Корабль мог зарегистрировать любого человека, оказавшегося на твоём месте.

— Это и есть самая простая версия, — сказала Лаура.

— Не обязательно, — возразил Марк. — Если бы требовался только прямой контакт, система сегодня могла бы предложить регистрацию каждому из нас без участия Лауры.

— Возможно, после создания первого профиля правила изменились.

— Или её параметры действительно оказались наиболее подходящими.

— Медицинская проверка не нашла во мне ничего необычного.

— Наши приборы искали человеческие отклонения. Корабль может оценивать параметры, которых мы ещё не умеем измерять.

София вывела рядом биологические данные четырёх участников.

— На уровне известных показателей Лаура не отличается от нас настолько, чтобы объяснить уникальный доступ. Я бы не стала строить генетическую теорию без доказательств.

— Согласен, — сказал Эстебан. — Основная версия остаётся процедурной: она первой завершила контакт.

В этот момент на центральном экране появилось уведомление с внутренних датчиков. Карта корабля обновилась, хотя никто не работал с интерфейсом.

Пятый объём возник снова.

София сразу проверила местоположение браслетов.

— Лаура находится здесь, на поверхности.

— Значит, объём не зависит от её присутствия внутри.

— Но она только что вернулась из челнока, — напомнила София. — Возможно, профиль активировался во всей сети и сохраняется некоторое время после контакта.

— Или появление объёма вообще с ней не связано, — сказал Эстебан.

— Контур начал формироваться через семь минут после активации панели челнока, — сказала София. — Вчера задержка была примерно такой же после входа Лауры в биологический сектор.

— Два случая не дают закономерности.

— Зато дают основание наблюдать дальше.

Они следили за картой около двадцати минут. Пятый объём становился отчётливее, затем рядом с ним появилась короткая ветвь маршрута. Она не соединялась с известными переходами и заканчивалась в толще корпуса.

— Он показывает помещение после того, как распознаёт мой профиль.

— Похоже на персональный слой карты, — сказала София. — Часть данных может быть доступна только Л-1.

— Но маршрут всё равно неполный.

— Значит, твой уровень не позволяет войти. Или для доступа требуется дополнительное условие.

Марк сверился со временем.

— Вчера контур возник, когда Лаура находилась рядом с биологическим сектором. Сегодня — после контакта с челноком. Возможно, положение не имеет значения. Система просто периодически проверяет активный профиль и обновляет доступные данные.

Эстебан распорядился сохранить очередную версию карты.

— На сегодня эксперименты закончены. Наблюдение продолжим дистанционно.

— Мы могли бы проверить, реагирует ли область на приближение Лауры, — предложил Марк.

— И снова оказаться перед неизвестной стеной, которая ждёт команды. Комиссия прибудет только завтра.

— Именно поэтому лучше разобраться сейчас, пока решения принимает наша группа.

— Решения и завтра останутся за нами.

— На бумаге, — сухо сказал Марк.

Лаура вмешалась до того, как спор перешёл в привычное противостояние.

— Я не пойду к пятому объёму сегодня.

— Если корабль действительно считает меня оператором, моё присутствие возле неизвестного прохода уже является действием. Мы не понимаем, где заканчивается наблюдение и начинается команда. Я не хочу проверять это случайно.

— Решение принято, — сказал Эстебан.

— Хорошо. Но в отчёте укажем, что маршрут появился после повторной активации профиля.

— Укажем все подтверждённые данные.

К полудню София подготовила первую версию заключения. Формулировки несколько раз менялись. Слово «оператор» заменили на «индивидуальный профиль», «регистрацию» — на «устойчивое распознавание», а «допуск» — на «различный уровень реакции интерфейса».

Текст получился осторожным, почти сухим, но за формулировками всё равно угадывался вывод, который никто пока не хотел оформлять официально: корабль запомнил Лауру. Осталось понять — почему.

После короткого совещания Эстебан распустил группу до вечера. Марк отправился проверять энергетические линии области В. София осталась в центре управления и продолжила сравнивать символы. Лаура вышла на площадку перед административным модулем.

День был ясным и холодным. Ветер приносил пыль со склонов карьера, поэтому большая часть работников носила защитные очки. На дальнем уступе двигалась буровая машина, хотя прежние задачи проекта давно отошли на второй план. Теперь породу снимали только там, где требовался доступ к внешней поверхности корабля.

Лаура нашла свободную скамью у стены модуля. Отсюда корпус не был виден, но она знала, что находится всего в нескольких сотнях метров от его центральной части.

За последние месяцы ей много раз задавали один и тот же вопрос: почему корабль открылся именно ей? Журналисты пока не знали всех подробностей, однако слухи уже просачивались за пределы базы. В интернете появлялись версии о генетической связи, случайной мутации, неизвестном излучении и даже о том, что Лаура якобы слышала голос корабля ещё до его обнаружения.

Настоящее объяснение могло оказаться значительно проще: она первой протянула руку — не потому, что была предназначена для этой роли или связана с экипажем, а потому, что система после миллионов лет ожидания сумела распознать именно её.

Эта версия успокаивала меньше, чем Лаура рассчитывала. Случайный выбор не снимал ответственности. Напротив, он означал, что решения, которые корабль связывал с ней, могли зависеть от нескольких секунд у стены челнока.

Дверь административного модуля открылась. София вышла с двумя чашками и протянула одну Лауре.

— Настоящий кофе. По крайней мере, его так называли в столовой.

— Спасибо.

София села рядом.

— Я нашла ещё одну деталь в первой записи.

— Хорошую или плохую?

— Пока просто деталь. Перед изменением символа корабль трижды повторил короткий импульс. Интервалы совпадают с твоим сердечным ритмом в тот момент.

— Он синхронизировался с пульсом?

— Возможно. Или использовал сердцебиение, чтобы убедиться, что перед ним живой организм. После устойчивого распознавания такие повторы больше не появлялись.

— Почему ты не включила это в отчёт?

— Потому что один фрагмент можно объяснить совпадением. Мне нужны другие записи.

— Значит, он мог запомнить не только биологию, но и моё состояние в момент контакта.

— Да. Однако я не думаю, что дело в эмоциях или мыслях. Скорее в наборе физических признаков, который система использовала как уникальную подпись.

— Отпечаток всего организма.

— Примерно.

София продолжила:

— Есть ещё одна причина, по которой версия с первым профилем кажется мне правдоподобной.

— Какая?

— Корабль не пытается заставить тебя что-либо сделать. Он показывает больше информации, открывает известные проходы, предлагает варианты, но почти всегда ждёт подтверждения. Это похоже на ограниченный режим для человека, которому система ещё не доверяет полностью.

— Ты говоришь о нём как о разумном существе.

— Я говорю о поведении системы. Разумна она или просто выполняет сложный протокол, мы пока не знаем.

— А если она всё-таки выбирала?

— Тогда первый контакт был не регистрацией, а оценкой. Возможно, корабль наблюдал за всеми и выбрал тебя потому, что ты меньше остальных пыталась подчинить его силой.

— Это звучит приятнее.

— Поэтому я отношусь к этой версии осторожнее.

Лаура рассмеялась. Впервые за утро напряжение немного отпустило.

— Эстебан был бы доволен.

— Я учусь у лучших.

Перед возвращением в центр София проверила карту через планшет. Пятый объём оставался видимым, но новая ветвь не удлинилась.

— Система пока ничего не меняет.

— Хорошо.

— Ты не разочарована?

— Сегодня я узнала, что корабль, возможно, считает меня временным пользователем с минимальными правами. Этого достаточно.

— «Временный пользователь» звучит хуже, чем профиль Л-1.

— Зато честнее.

Вечером команда снова собралась у центрального экрана. Эстебан утвердил формулировку для внутреннего заключения:

«После первого непосредственного взаимодействия с интерфейсом челнока система сформировала устойчивый идентификатор, связанный с Лаурой Мендосой. Идентификатор распознаётся различными узлами основного корабля и влияет на объём отображаемой информации. Причина выбора, назначение профиля и пределы связанных с ним функций не установлены».

Марк прочитал абзац дважды.

— Невозможно понять, насколько это важно.

— Именно поэтому документ не попадёт в прессу, — ответил Эстебан.

— Комиссия всё поймёт из приложений.

— Она для этого и приезжает.

София добавила последнюю схему. На ней незаполненный символ стоял рядом с обозначением Л-1. Между ними была показана линия неизвестного назначения.

— Как назовём эту функцию?

— Никак, — решил Эстебан. — Пока только последовательность С-12.

— Ты действительно лишаешь мир красивых названий.

— Мир переживёт.

Лаура поставила подпись под протоколом последней.

До прибытия международной комиссии оставалось двадцать два часа. В новых областях не происходило заметных изменений, входы оставались закрытыми, а корабль продолжал поддерживать повышенную нагрузку вычислительной системы.

Перед уходом София открыла карту ещё раз. Пятый объём сохранял форму, хотя Лаура уже находилась в жилом модуле на поверхности. Это не опровергало их версию, но и не делало её доказанной: профиль мог оставаться активным после контакта, корабль мог завершать внутренний расчёт — или два события вообще не были связаны.

Она внесла в журнал очередную запись и закрыла лишние окна.

На экране остались только два символа: простой знак, которым система обозначала остальных людей, и его изменённая версия, появившаяся после первого прикосновения Лауры.

Между ними была всего одна небольшая дуга.

Пока именно она отделяла человека, которого корабль замечал, от человека, которого он запомнил.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ТЕ, КТО ПРИБЫЛИ ИЗВНЕ

К середине дня база напоминала небольшой международный аэропорт, устроенный на дне карьера.

У административных модулей разгружали герметичные контейнеры, вдоль внутренней дороги выставляли дополнительные посты, на посадочной площадке повторно проверяли связь с Буэнос-Айресом. Для первой группы комиссии подготовили отдельный жилой блок, лабораторию и закрытый канал передачи данных. Список оборудования согласовывали всю ночь, однако к утру в нём всё равно оказалось двадцать семь новых позиций: от японских спектрометров до французской установки для анализа клеточных мембран.

Эстебан наблюдал за подготовкой из окна командного центра. На одном из экранов оставалась внутренняя карта корабля. Пятый объём сохранял контур, хотя Лаура с вечера не спускалась к объекту. Четыре области, обнаруженные после внешнего импульса, отображались устойчиво. У области Б каждые девяносто две секунды возникала короткая отметка, совпадавшая с циклом жизнеобеспечения.

— Они привезли половину собственных лабораторий, — сказал Марк, просматривая ведомость грузов.

— Хорошо, что не целиком.

— Орлов запросил импульсный генератор, рассчитанный на испытание силовых установок.

— Его не допустят внутрь корабля.

— Я уже сообщил. Он прислал новый запрос с формулировкой «для пассивной диагностики».

— Генератор всё равно останется на складе.

— Тебе понравится комиссия. Они ещё не приехали, а у нас уже появился первый спор.

София работала за соседним столом. Она перенесла данные по профилю Л-1 в отдельный защищённый архив и подготовила сокращённую версию для общего брифинга. В ней не было медицинских показателей Лауры, полной записи первого контакта и гипотез о том, почему корабль выделил именно её. Остались наблюдаемые факты, последовательность символов и карта изменений.

Лаура перечитала документ.

— Они всё равно спросят, почему доступ связан со мной.

— Спросить могут, — ответил Эстебан. — Получить личные данные без твоего согласия — нет.

— Я согласна на научное обсуждение. Но не хочу, чтобы меня представляли как оборудование, которое Аргентина обязана передать комиссии.

— Именно поэтому ты будешь на брифинге.

— И потому что без тебя половина демонстрации не работает.

— Спасибо. Ты сразу нашёл правильную формулировку.

— Я тренируюсь перед знакомством с дипломатами.

София вывела расписание на экран.

— Самолёт сел в Комодоро-Ривадавии сорок минут назад. До базы они доберутся примерно в шестнадцать двадцать. Сначала проверка документов, затем медицинский контроль и закрытый инструктаж. В корабль раньше восемнадцати часов не пойдём.

— Если вообще пойдём сегодня, — уточнил Эстебан. — Решение после брифинга.

Марк взял планшет со списком участников.

— Пять руководителей направлений и восемь технических сотрудников. Накамура, Лоран, Картер, Орлов, Уокер. Не самая спокойная группа.

— Спокойная группа нам и не нужна, — сказала София. — Нужна полезная.

— Эти качества иногда совпадают.

В шестнадцать двенадцать над южным склоном появился транспортный вертолёт. Он прошёл вдоль внешнего периметра, сделал широкий разворот и начал снижаться. Винты подняли пыль с посадочной площадки, и сотрудников отвели за бетонные ограждения. Следом шёл меньший вертолёт с оборудованием и сопровождающими.

Эстебан и Лаура ждали у контрольной линии. Рядом находились представитель Министерства иностранных дел, начальник безопасности базы и двое врачей. Рауль Ибарра остался в Буэнос-Айресе и должен был подключиться к первому совещанию по защищённой связи.

Дверь вертолёта открылась ещё до полной остановки винтов.

Первым спустился невысокий мужчина лет пятидесяти пяти с узким металлическим кейсом. Хироси Накамура не стал оглядываться по сторонам и сразу проверил, как кейс перенесли через разметку посадочной зоны. Только убедившись, что его поставили вертикально, он подошёл к встречающим.

— Доктор Альварес?

— Профессор Накамура. Добро пожаловать в Патагонию.

Они обменялись рукопожатием. Накамура представился Лауре без лишних слов; её имя явно было ему знакомо по материалам комиссии.

Следом появилась Сара Лоран. Она была в тёмной куртке без знаков университета, с собранными волосами и плотной папкой под рукой. Вместо приветственной фразы она спросила:

— Контейнеры биологического сектора сохраняют температуру?

— Последние показатели стабильны, — ответила Лаура.

— Я имела в виду наши контейнеры.

Сотрудник разгрузки подтвердил, что питание не отключалось. Сара кивнула и только после этого назвала своё имя.

Эмили Картер спустилась с наушниками на шее и небольшим прибором, похожим на обычный радиоприёмник. У края площадки она проверила показания и убрала устройство в карман.

— Здесь чистый диапазон?

— В пределах базы работает несколько закрытых систем связи, — сказал начальник безопасности.

— Я не про них. Фоновый шум ниже, чем на побережье. Это пригодится.

Виктор Орлов вышел из вертолѐта с двумя сумками и сразу передал одну сопровождающему. Высокий, широкоплечий, с коротко остриженными седыми волосами, он двигался так, будто опаздывал на совещание, назначенное им самим.

— Генератор оставили в Комодоро, — сообщил он вместо приветствия.

— Его применение не согласовано, — ответил Эстебан.

— Поэтому я и хотел привезти его для согласования на месте.

— Обсудим после инструктажа.

Орлов пожал Эстебану руку и безошибочно определил Лауру среди встречающих.

— Значит, это вы открыли первый проход.

— Проход открыл корабль.

— Тем интереснее.

Последним из основной группы спустился Джеймс Уокер. Он не нёс научного оборудования, зато держал планшет с уже открытой схемой базы. До знакомства он успел отметить положение вертолѐтов, расстояние до ближайшего укрытия и направление движения охраны.

— При посадке южный сектор оставался открытым четыре минуты, — сказал он начальнику безопасности.

— Воздушное пространство перекрыто в радиусе пятидесяти километров.

— Открытым для наблюдения с внешнего склона.

— Там три поста и тепловизионный контроль.

— Тогда вопрос снимем после проверки.

Начальник безопасности уже собирался ответить, но Эстебан не дал знакомству превратиться в разбор периметра.

— Сначала медицинский контроль и регистрация оборудования. На брифинге у вас будет время для вопросов.

— Время для вопросов обычно заканчивается раньше, чем вопросы, — сказал Уокер.

— На этой базе к этому уже привыкли.

Технических сотрудников направили в лабораторный блок. Пять руководителей комиссии прошли двойной контроль, сдали личные средства связи и получили браслеты допуска. Они открывали только административные помещения, жилой сектор и утверждённый маршрут до центрального зала корабля. Архивы, биохранилище и защитные уровни оставались закрыты.

— Аварийный выход из центрального зала один?

— Один известный маршрут, — ответил начальник безопасности.

— Это не одно и то же.

— Именно поэтому группа не превышает двенадцати человек и постоянно поддерживает связь с поверхностью.

— Если связь пропадёт?

— Отход по маршруту входа. Две резервные группы ждут у главной развилки.

— Если корабль решит закрыть проход, резервные группы останутся с другой стороны стены.

— До сих пор он не закрывал главный вход после полного открытия, — сказала Лаура.

— До сих пор к нему не приходили представители пяти стран одновременно.

— Думаю, национальность он определит не первой.

— Мы не знаем, что он определяет первой, — напомнил Накамура.

Накамура сказал это без нажима, и разговор вернулся к делу.

Брифинг проходил в самом большом помещении административного модуля. На стене работали три экрана: общая схема раскопа, внутренняя карта корабля и защищённый канал с кабинетом Ибарры. За столом разместились аргентинская группа, новые специалисты, пере-

водчики и два представителя правительства. Технический персонал следил за встречей из соседней комнаты.

Рауль Ибарра появился на экране в назначенное время.

— Добро пожаловать. Прежде чем доктор Альварес представит научные материалы, зафиксирую порядок работы. Объект находится на территории Аргентины, оперативное руководство остаётся у действующей группы проекта. Международная комиссия получает доступ к данным и участвует в разработке исследовательских протоколов. Любые действия внутри корабля проводятся после общего рассмотрения и утверждения руководителем проекта.

— «Общее рассмотрение» означает голосование?

— Нет, — ответил Ибарра. — Комиссия научная, а не парламентская. Возражения и альтернативные предложения фиксируются. Решение принимает доктор Альварес после консультации с руководителями направлений и представителем правительства.

— Значит, последнее слово остаётся за Аргентиной.

— Последнее слово остаётся за человеком, который отвечает за тех, кто входит в корабль.

Сара открыла папку, Эмили включила защищённый планшет. Перед Накамурой лежал чистый блокнот.

Эстебан начал с хронологии, не пересказывая раскопки целиком: обнаружение челнока, первый контакт Лауры, открытие главного входа, изученные уровни, архивные записи, внешний импульс и изменение внутренней карты.

На экране появилась модель трёхкилометрового корпуса. Известные маршруты занимали небольшую часть объёма. Четыре новые области были отмечены буквами А, Б, В и Г. Пятый объём возле центральной оси отображался отдельным контуром без обозначения.

— Это геометрическая карта или функциональная? — спросил Накамура.

— Мы не знаем, — ответила София. — Большинство линий совпадает с физическими коридорами и транспортными каналами. Часть показывает энергетические связи, которых нельзя считать маршрутами. После внешнего импульса система добавила новые уровни, но могла сделать это в рамках собственной диагностики.

— То есть интерфейс не обязательно показывает то, что доступно человеку.

— Именно.

Эмили попросила открыть временную шкалу.

— Внешний импульс завершился за сколько до появления первой новой области?

— Изменение нагрузки началось через двадцать семь секунд, — сказала София. — Первый контур появился через шесть минут сорок одну секунду. Остальные добавлялись в течение ночи.

— Импульс содержал структуру, похожую на командный пакет?

— Обычными средствами его содержание не читается. Земные системы зафиксировали согласованное изменение сразу в нескольких узлах корабля. Мы не можем доказать, что это была команда.

— Но последовательность похожа на приём, проверку и выполнение, — сказала Эмили.

— Похожа, — согласился Эстебан. — В отчёте это остаётся гипотезой.

Орлов приблизил карту области В.

— Девятипроцентный рост нагрузки сохраняется?

— Да.

— Никакой попытки изменить режим?

— Запрещены активные воздействия на энергетическую сеть.

— Даже маломощные?

— Даже маломощные.

Орлов больше не спорил, но следующую пометку сделал крупнее остальных.

Сара запросила изображения биологического уровня. На втором экране появились прозрачные камеры с образцами мезозойской фауны, помещения с растениями и медицинские платформы.

— Состав жидкости в камерах известен?

— Частично, — ответила Лаура. — Вода, растворённые соли, белковые соединения и компоненты, которые наши лаборатории пока не классифицировали. Отбор проб не проводили. Анализ основан на спектроскопии через стенки.

— Признаки обмена веществ?

— Ни у одного образца.

— Разрушение тканей?

— Не обнаружено. Структура сохраняется лучше, чем при любой известной консервации.

— Тогда слово «образцы» может быть преждевременным.

— Мы не называем их живыми, — сказал Эстебан.

— Я тоже не называю. Но отсутствие обмена веществ не обязательно означает необратимую смерть — особенно при технологии, способной сохранять молекулярную структуру десятки миллионов лет.

— В случае нарушения камеры биологический материал попадёт в общую среду корабля?

— Камеры изолированы, — сказала София. — По крайней мере, так показывает карта.

— Карта, назначение которой не установлено.

— Поэтому к камерам никто не прикасался, — ответил Эстебан.

На экране появился следующий раздел — профиль Л-1.

— После первого непосредственного контакта с панелью челнока система сформировала устойчивый идентификатор, связанный с Лаурой Мендосой. Разные узлы корабля распознают его на расстоянии. В присутствии Лауры интерфейс показывает дополнительные элементы и активирует известные функции. Причина выбора и пределы доступа не установлены.

София запустила две записи. На первой к панели подходил Марк, и появлялся простой символ. На второй входила Лаура; внутри того же знака возникала дополнительная дуга, после чего открывалась карта.

Уокер сформулировал вопрос, которого Лаура ждала с момента прибытия комиссии:

— Получается, доступ к ключевым функциям связан с одним человеком.

— Доступ ограничен и не является управлением кораблём, — сказал Эстебан.

— Но без госпожи Мендосы часть информации не отображается.

— Меня зовут Лаура, — произнесла она. — И я нахожусь здесь, поэтому можно обсуждать это со мной.

— Лаура, вы можете отказаться от участия в активации?

— Могу.

— Что произойдёт с системой, если вы покинете базу?

— Мы не проверяли длительное отсутствие. После контакта профиль остаётся активным некоторое время, иногда карта сохраняет дополнительные данные и без меня.

— То есть зависимость неполная.

— Это одна из причин не называть меня ключом.

Орлов развернул к себе запись с двумя символами.

— Корабль предлагал связать Л-1 с другим человеком. Вы остановили процедуру.

— Мы увидели неизвестную последовательность и прекратили эксперимент, — уточнила София.

— Можно было получить второй профиль.

— А можно было удалить первый, передать полномочия или запустить медицинскую проверку, — сказал Эстебан. — Без перевода символов продолжение было бы гаданием.

— Иногда единственный способ понять систему — позволить ей завершить действие.

— На собственном оборудовании вы можете позволять системе завершать неизвестные действия. Здесь внутри находятся люди.

— Один из людей здесь уже превращается в предмет спора, — сказала Сара. — Думаю, границу обозначили достаточно ясно.

— Я не предлагаю распоряжаться человеком. Я предлагаю изучать механизм доступа.

— Тогда начинайте с формулировки, в которой человек остаётся человеком, — ответила Лаура.

Накамура перелистнул страницу блокнота.

— Спор о втором профиле пока не имеет технической основы. Мы считаем символы учётными записями лишь потому, что они различаются. Это может быть классификация биологических объектов, уровней доверия или условий безопасности. До анализа структуры интерфейса повторять последовательность не следует.

— Вы обычно настолько осторожны?

— Только когда данных мало, а последствия неизвестны.

— То есть почти всегда.

— В хорошей инженерии — да.

После этого Эстебан перешёл к протоколу первого посещения. Группа должна была пройти по известному маршруту до центрального зала, не касаясь поверхностей и не активируя новые функции. Лаура продемонстрировала профиль Л-1 только после размещения датчиков. При любом изменении карты, энергетики или состава воздуха сеанс прекращался.

Уокер запросил схему отхода и состав резервных групп. Орлов уточнил допустимую мощность личных приборов, Сара — спектральную запись символов биологического сектора. Эмили добавила два датчика синхронизации для сравнения реакции интерфейса с внешним фоном. Накамура ограничился собственным кейсом, но перед выходом спросил:

— Сфера реагирует на механический контакт или на приближение Лауры?

— На оба, — ответила София. — Теперь иногда достаточно входа в зал.

— Тогда прошу не ставить её впереди группы. Сначала должны войти приборы и наблюдатели. Иначе мы потеряем исходное состояние.

Эстебан согласился.

К главному входу ехали двумя закрытыми машинами. За окнами тянулись уступы карьера, временная железнодорожная ветка и площадки с техникой. На верхней дороге стояли журналистские фургоны. Объективы были направлены в сторону базы, хотя сам корабль скрывали рельеф и защитные конструкции.

Эмили наблюдала за внешним периметром.

— После выступления президента спутниковые снимки уже ничего не скрывают. Почему вы всё ещё закрываете обзор с земли?

— Размеры раскопа известны, — ответила Лаура. — Неизвестно, какие участки корпуса мы исследуем и где находятся входы. Эту информацию пока не публикуют.

— Разумно, — сказал Уокер.

— Наконец-то вы одобрили одну меру безопасности, — заметил Орлов.

— Я одобряю меры, которые существуют не только в отчёте.

Машина вышла на последний поворот, и перед ними открылся главный участок раскопа.

Даже после фотографий новые специалисты не были готовы к масштабу. Тёмная поверхность уходила под породу в обе стороны и занимала почти весь нижний уровень карьера. Люди и машины рядом казались временными деталями, которые уберут после завершения работ. Главный вход — широкий, высокий, без створок — переходил в корпус без швов, словно проход сформировался внутри цельного металла.

Сара убрала блокнот. Уокер сверил увиденное со схемой и опустил планшет. Эмили достала приёмник, но не включила его. Накамура следил за тем, как менялся свет у входа.

— Освещение активируется до приближения группы, — сказал он.

— После импульса корабль замечает людей раньше, — подтвердила София.

— Или расширил зону наблюдения.

У контрольной линии все надели браслеты внутренней связи и лёгкие защитные жилеты с датчиками. Оружие оставалось у охраны на известной развилке. В центральный зал шли Эстебан, Лаура, София, Марк, пять членов комиссии и два инженера. Начальник безопасности оставался у входа и контролировал резервные группы.

Внутри корабля разговоры сами стали короче. Освещение возникало впереди и гасло далеко за группой. Поверхности не отражали свет привычным образом: он словно задерживался в верхнем слое материала, не создавая бликов. Земные кабели, камеры и метки безопасного маршрута подчёркивали, насколько мало люди успели изменить за месяцы работы.

Накамура остановился у первой транспортной панели, не приближаясь к ней ближе разрешённого расстояния.

— Символы новых остановок появились здесь после сигнала?

— Да, — сказала София. — Три обозначения. Они не реагируют на прикосновения.

— Проверяли при Л-1?

— Лаура находилась рядом. Выбрать уровень не удалось.

— Возможно, отображение и выполнение относятся к разным уровням разрешений.

Орлов провёл датчиком вдоль стены.

— Или транспортная система ещё не получила энергию.

— Нагрузка на этот узел не изменилась, — ответила София.

— Тогда Накамура прав. Что бывает редко, поэтому запишите отдельно.

Вертикальная дорога доставила группу на центральный уровень. Кабина не давала ощущения ускорения, хотя приборы подтверждали изменение высоты. Сара проверила давление, Эмили сверила часы, Уокер считал время между остановками.

— Если система отключится, есть механический путь между уровнями? — спросил он.

— Мы нашли несколько вертикальных шахт, но не установили, предназначены ли они для перемещения людей, — ответил Марк.

— Значит, нет.

— Значит, не подтверждён.

— Для аварийного протокола это одно и то же.

Центральный зал встретил их ровным синим светом. Сфера находилась над невысокой панелью, а вокруг неё оставалось достаточно места для приборов и наблюдателей. Земные датчики стояли у дальней стены. Инженеры проверили линии связи, после чего Эстебан разместил участников по отметкам.

Лаура ждала в коридоре, вне зоны реакции интерфейса.

Накамура открыл металлический кейс. Внутри лежали четыре небольших модуля и складная рамка. Он собрал её без инструментов, установил напротив сферы и включил запись.

— Система измеряет форму светового поля в объёме, — объяснил он. — Не только изображение, которое видит камера. Если карта содержит слои, мы попробуем разделить их по глубине и времени появления.

Эмили синхронизировала датчики с базовыми часами. Сара открыла архив символов. Орлов проверил пассивный режим спектрометра, Уокер связался с резервной группой.

— Исходное состояние записано, — сказала София.

Эстебан дал команду Лауре войти.

Она пересекла границу зала. Световая дуга прошла по поверхности сферы ещё до того, как Лаура подошла к первой отметке. Над панелью возник блок из шести элементов, затем раскрылся объёмный каркас корабля.

На этот раз комиссия наблюдала реакцию не в записи.

Орлов впервые перестал торопить остальных. Эмили следила одновременно за картой и внешним фоном, Уокер подтвердил по связи, что проход остаётся открытым. Накамура не отрывался от данных рамки.

— Реакция началась при расстоянии восемь целых четыре метра, — сказала София. — Профиль распознан.

Лаура остановилась. Карта показала известные уровни, четыре новые области и пятый объём. Область А стала ярче. Возле центральной оси сформировался короткий маршрут, который по-прежнему заканчивался внутри корпуса.

— Положение Лауры влияет не на всю карту, — сказал Накамура. — Меняется только часть слоёв.

Он вывел на планшет результат объёмной записи. Изображение разделилось на три группы линий. Первая соответствовала физическим коридорам. Вторая появлялась с небольшой задержкой и совпадала с энергетической сетью. Третья формировалась только после распознавания Л-1.

— Персональный слой? — спросила Эмили.

— Скорее контекстный. Он может зависеть от пользователя, состояния системы и текущей задачи одновременно.

— Но без Лауры его нет, — сказал Уокер.

— В этой проверке — да.

— Карта не просто показывает доступ. Она предлагает направления. Область А выделена сильнее остальных.

— Мы уже нашли предполагаемый вход, — сказала София. — Контур появляется в присутствии Лауры, но проход не открывается.

— Значит, ждёт следующего действия.

— Или предупреждает, что действие недоступно, — ответил Эстебан.

Сара работала с областью Б. Она вывела рядом символы медицинских платформ, биохранилища и новой зоны. В обычном масштабе они казались похожими: вытянутый элемент, окружённый двумя дугами, и несколько коротких отметок. После увеличения различия стали заметнее.

— Мне нужна запись работы медицинской платформы, — сказала она.

Лаура указала нужный архив. На экране появился фрагмент, снятый несколько недель назад. На платформу помещали образец человеческой ткани в герметичной капсуле. Корабль не позволял проводить процедуру на человеке, но реагировал на повреждение материала: над поверхностью возникал символ, после чего структура ткани частично восстанавливалась.

Сара прокрутила запись по кадрам.

— Здесь знак появляется после того, как платформа определяет живую ткань. Центральный элемент сохраняется, а боковая дуга обозначает изменение повреждённой структуры. Мы считали это восстановлением.

— Рабочая версия, — напомнила София.

— Для неё уже есть основания. Повреждённые мембраны закрывались, разорванные волокна соединялись. Но символ области Б построен иначе.

Она перенесла изображения рядом. В обозначении медицинской платформы процесс начинался и завершался вокруг одного центрального элемента. В области Б перед ним находился дополнительный знак, похожий на замкнутую камеру. После центрального элемента появлялся другой — открытый, с тремя короткими линиями.

— Что это меняет? — спросил Эстебан.

— Медицинская платформа работает с организмом или тканью, которые уже поддерживают обмен веществ. Она исправляет повреждение. Здесь исходное состояние обозначено отдельно.

Сара открыла архив символов биохранилища. У нескольких камер с мезозойскими животными над панелью появлялся замкнутый знак, когда система проверяла внутреннюю среду.

— Этот элемент встречается у законсервированных образцов, — сказала она. — Мы связывали его с контейнером, но он может обозначать состояние самого организма.

— Консервацию? — спросила Лаура.

— Полное подавление биологических процессов при сохранённой структуре. Возможно, состояние, для которого у нас нет точного термина.

Орлов подошёл ближе к экрану.

— А открытый знак в конце?

Сара нашла его в другой записи. Во время исследования флоры один из отсеков автоматически изменил состав атмосферы. После стабилизации над растениями появился тот же открытый элемент с тремя линиями.

— Он возник, когда растения начали самостоятельно поддерживать газообмен после перехода из внутренней среды камеры, — сказала Сара. — Мы перевели его как «активная биологическая система». Точнее, это может означать организм, способный существовать без поддержки контейнера.

Эмили связала три изображения стрелками.

— Закрытое состояние, преобразование, автономная жизнь.

— Не торопитесь со словом «жизнь», — предупредил Уокер.

— Я биолог, — ответила Сара. — Для меня обмен веществ, саморегуляция и реакция на среду имеют вполне определённое значение.

— Тогда сформулируйте без метафоры.

— Область Б может быть предназначена для восстановления жизнеспособного организма из состояния глубокой консервации.

Приборы продолжали работать, сфера удерживала карту, энергетические показатели не менялись. После формулировки Сары спор о терминах оборвался.

Эстебан первым вернул обсуждение к проверяемым данным.

— Насколько уверенно символы подтверждают такую функцию?

— Пока недостаточно, чтобы считать вывод установленным. Нужна полная последовательность, а не три отдельных совпадения. Можно запросить подробный слой области Б без команды открытия?

— Интерфейс раньше возвращал карту к общему масштабу. Но мы пробовали обычное увеличение, не последовательность биологических символов.

— Что потребуется? — спросил Эстебан.

Сара показала порядок из архива: обозначение живого организма, знак консервации и символ медицинского восстановления.

— Если интерфейс понимает контекст, эта последовательность может вызвать описание функции. Не запуск — только информационный запрос.

— Мы уже составляем команды на языке, который не перевели.

— Поэтому сначала проверим их на земной копии интерфейса, — сказала София. — Последовательность существует в архиве и не содержит символов подтверждения.

Накамура изучил объёмную запись.

— Я поддерживаю попытку при двух условиях. Лаура не касается сферы, команда формируется на удалённой панели. Если появляется новый элемент с активным полем, сеанс прекращаем до подтверждения.

— И резервная группа отходит к предыдущей развилке, — добавил Уокер. — Если изменится состояние стены или воздуха, в центральном зале должно остаться меньше людей.

— Согласен, — сказал Эстебан.

Часть комиссии и оба инженера вышли в коридор. Внутри остались Эстебан, Лаура, София, Сара, Накамура и Уокер. Марк и Орлов наблюдали через камеру с безопасной точки. Эмили продолжала запись внешнего фона из соседнего помещения.

София создала на переносной панели три знакомых знака. Она не отправляла их в систему, а по одному выводила в поле распознавания. Сфера отвечала слабым изменением света. Когда последовательность была собрана полностью, рядом появился четвёртый элемент.

— Это не подтверждение, — сказала София. — По структуре похоже на запрос уточнения.

Накамура проверил глубину светового поля.

— Элемент пассивный. Нет связи с энергетическим слоем.

Эстебан разрешил продолжить.

Лаура подошла к дальней отметке, не приближаясь к сфере. Блок Л-1 возник над панелью. София повторила последовательность.

Область Б на карте расширилась.

Вместо общей группы помещений появились шесть камер вокруг центрального пространства. Четыре камеры были небольшими, две значительно крупнее. От исследованного биохранилища к новому уровню шёл тонкий канал, который раньше не отображался. По нему двигалась световая отметка, совпадавшая с циклом жизнеобеспечения.

— Это ещё не описание функции.

На карте возникла вторая схема.

Она не повторяла геометрию корабля. В центре находился знакомый замкнутый знак. Вокруг него постепенно сформировалась сложная сеть тонких линий, похожая на изображение сосудов или нервных волокон. Несколько участков были разорваны. Затем через схему прошла последовательность импульсов. Разрывы исчезли, структура выровнялась, и замкнутый знак сменился открытым элементом с тремя линиями.

София остановила автоматический перевод и записала исходное изображение.

— Похоже на процесс, — сказала Лаура.

— На восстановление структуры по шаблону, — ответила Сара. — Система не просто устраняет повреждение. Сначала она сравнивает весь организм с сохранённой моделью.

Накамура разделил схему на слои. Под сетью обнаружился второй контур — более ровный и полный. Он существовал с самого начала, но отображался слабее.

— Эталонная модель, — произнёс он.

— Или предыдущая запись состояния, — сказала София.

— В любом случае система использует её для реконструкции.

Следующая часть схемы показала изменение среды вокруг организма. Температурный знак поднялся, по каналам прошёл поток, рядом возник ритмический импульс.

— Этот рисунок мы уже видели.

Она открыла запись первого контакта Лауры. Перед созданием профиля корабль трижды повторил короткий импульс, интервалы которого совпадали с сердечным ритмом. В новой схеме последовательность была сложнее, но центральный элемент имел ту же структуру.

— Проверка пульса? — спросил Эстебан.

— Не только. Вероятно, запуск собственного кровообращения или его аналога. Затем появляется газообмен. После этого система прекращает внешнюю поддержку.

Уокер стоял у выхода, сохраняя связь с резервной группой.

— Вы описываете реанимацию.

— Реанимация возвращает организм после относительно короткой остановки функций, — сказала Сара. — Здесь исходное состояние связано с длительной консервацией и полной реконструкцией повреждений. Земной термин будет лишь приблизительным.

— Но результат — живой организм?

— Если мы правильно читаем окончательный знак, да. Самостоятельно функционирующий организм.

Карта удерживала схему ещё несколько секунд, затем вернулась к изображению области Б. Одна из малых камер была выделена тонким контуром. Внутри неё появился короткий знак, которого не было в остальных.

София сравнила его с архивом.

— Он связан с биологическим образцом. Такой элемент встречался возле нескольких камер в хранилище.

— Размер? — спросил Сара.

Накамура наложил масштаб корпуса.

— Внутренняя камера около метра двадцати в длину. Полезный объём меньше.

Орлов услышал цифры по связи.

— Значит, внутри уже что-то есть.

— Карта показывает обозначение, а не содержимое, — ответил Эстебан.

— Обозначение биологического образца внутри камеры восстановления.

— Это всё равно не доказательство наличия организма.

— Даже если камера занята, мы не знаем состояние материала, вид, условия хранения и запускается ли процесс автоматически после открытия. До физического доступа нужны анализ среды, изолирующий контур и возможность закрыть проход с нашей стороны.

— Наконец комиссия предлагает осторожность раньше Эстебана, — сказал Марк из коридора.

— Не привыкай, — отозвалась Сара.

Сфера изменила яркость. Накамура поднял руку, предупреждая остальных.

— Появилась связь с энергетическим слоем.

На карте от области Б протянулась линия к известному маршруту медицинско-биологического уровня. Она закончилась у стены, где накануне возникли четыре вертикальные полосы. Контур предполагаемого входа замкнулся.

Уокер передал команду резервной группе отойти к следующей безопасной точке.

— Лаура, не двигайтесь.

— Я стою на месте.

Эстебан проверил показания среды. Температура и состав воздуха оставались прежними. Энергопотребление области Б выросло на две десятых процента и стабилизировалось.

На сфере появился один новый знак. Он состоял из контура двери и элемента, который София раньше связывала с ожиданием подтверждения.

— Это уже активная команда, — сказал Накамура.

— Сеанс прекращаем, — распорядился Эстебан.

Лаура отступила. Знак Л-1 погас, но контур маршрута остался. София убрала биологическую последовательность с переносной панели. Через несколько секунд схема процесса исчезла; карта сохранила область Б и новый путь к предполагаемому входу.

— Корабль предложил открыть отсек, — сказал Орлов по связи.

— Корабль показал команду, назначение которой мы связываем с проходом, — ответил Эстебан. — Открывать ничего не будем.

— Сегодня?

— До утверждения протокола.

— Это дипломатический ответ.

— Это единственный ответ, который вы получите внутри объекта.

Группа вышла из центрального зала по установленному маршруту. У предполагаемой развилки область Б уже обозначалась на транспортной панели, но выбрать новую остановку по-прежнему было нельзя. Накамура записал символы, не касаясь поверхности.

— Когда вы впервые увидели животных в биохранилище, камеры реагировали на ваше присутствие?

— Освещение включалось, несколько панелей показывали данные. Ничего похожего на открытие.

— Жидкость меняла состав?

— В одной камере температура поднялась на несколько десятых градуса и вернулась к прежнему уровню. Мы решили, что система провела проверку.

— Какой образец был внутри?

— Небольшой динозавр. Молодая особь или мелкий вид. Точно определить не смогли: часть тела закрывали внутренние элементы камеры.

— Длина?

— Около восьмидесяти сантиметров.

— Камера находилась ближе остальных к каналу, который появился сегодня?

София проверила карту на планшете.

— Да. Третья линия биохранилища, нижний ряд. Канал начинается примерно за ней.

— Тогда область Б может быть связана с переносом образцов из хранилища в камеры восстановления.

— Автоматическим? — спросила Лаура.

— Возможно. Или экипаж перемещал их вручную. Но размеры малой камеры совпадают.

— До подтверждения маршрута никакие образцы не перемещаются.

— Для этого пришлось бы сначала открыть две неизвестные системы, — сказала Сара.

— Я не собираюсь запускать процедуру по дороге к выходу.

— Я фиксирую ограничение заранее.

— Тогда добавьте ещё: биолог не будет запускать процедуру без карантина, удалённого контроля и полной записи состава среды.

Уокер внёс пункт в планшет.

— Добавил.

Сара чуть приподняла брови.

— Вы действительно всё записываете.

— Иначе после инцидента каждый помнит собственную версию разговора.

На поверхности уже темнело. Ветер усилился, над карьером тянулась пыль. Группа вернулась в административный модуль на поздний ужин и второе совещание. Технические сотрудники уже получили первые пакеты данных: у Накамуры собирали систему объёмной регистрации, команда Сары проверяла анализаторы и герметичные боксы, Уокер распорядился перенести мобильный изолирующий шлюз ближе к спуску.

Орлов пропустил ужин и остался у карты области Б со своей схемой эксперимента.

— Никакого импульсного генератора, — сказал Эстебан, увидев документ.

— Его здесь и нет. Предлагаю пассивно измерить канал между хранилищем и предполагаемым восстановительным сектором, затем открыть внешний проход без запуска камер.

— Вы уже называете сектор восстановительным.

— После сегодняшней демонстрации это наиболее вероятное назначение.

— Вероятность не делает команду открытия безопасной.

— Тогда ставим шлюз, выводим людей из коридора и открываем проход.

— Дистанционной команды у нас нет. Корабль реагирует на Лауру.

— Значит, она подтверждает открытие и отходит до изменения стены.

Лаура вошла как раз на этих словах.

— Я предпочитаю участвовать в обсуждении до того, как меня включают в схему эксперимента.

Орлов развернул планшет к ней.

— Справедливо. Вы остаётесь за защитным экраном, к сфере не прикасаетесь. Как только контур начинает открываться, отходите к Вертикальной дороге.

— А если корабль воспринимает моё удаление как отмену команды?

— Проверим по реакции.

— На открывающемся неизвестном отсеке?

— Вы не хотите входить.

— Я не хочу, чтобы скорость исследования определялась вашим раздражением из-за закрытой двери.

— Хорошо. Я тороплюсь не ради эффектной демонстрации. После внешнего импульса корабль активирует системы одну за другой. Мы не знаем, сколько продлится этот режим и не закроется ли доступ снова. У отсрочки тоже есть цена.

— Согласна, — сказала Эмили от двери. — Но цена поспешного действия может оказаться выше. Мы до сих пор не понимаем, что именно пришло извне.

Она подключила свой планшет к экрану. На графике были показаны данные центрального зала во время запроса области Б.

— Когда появилась схема восстановления, внешний фон не изменился. Значит, корабль не отправлял новый запрос и, насколько видят наши датчики, не получал дополнительную команду. Эта информация уже находилась внутри системы.

— Это хорошо, — сказал Орлов. — Мы не разбудили ещё кого-нибудь.

— Это означает лишь, что наши датчики ничего не зарегистрировали, — ответила Эмили. — Но есть другое наблюдение. После профиля Л-1 карта выдала не технический чертёж, а объяснение функции. Возможно, внешний импульс изменил уровень, на котором корабль общается с зарегистрированным человеком.

Накамура вошёл следом и положил на стол первые результаты объёмной записи.

— Подтверждаю. Схема процесса находилась в отдельном информационном слое, не связанном с геометрической картой. Система сформировала её в ответ на сочетание запроса и профиля Л-1.

— То есть корабль понял вопрос, — сказала Лаура.

— Он сопоставил известные символы и показал связанный процесс. Понимание в человеческом смысле пока не доказано.

Марк принёс кофе и поставил несколько стаканов на свободный край стола.

— Комиссия работает на базе четыре часа, а Накамура уже говорит как Эстебан.

— Это инфекция? — спросила Сара.

— Пока единственная, которой здесь не бояться.

Сара подготовила заключение без слов «воскрешение» и «оживление»: «восстановление автономной жизнедеятельности биологического организма после длительного состояния структурной консервации».

— Я не могу утверждать, что процесс возвращает умершее существо. Для системы организм в камере, возможно, вообще не считается мёртвым: его состояние может быть обратимым по определению. Но с точки зрения земной биологии речь идёт о восстановлении всех функций после срока, многократно превышающего известные пределы сохранения тканей.

— Какой уровень биологического риска?

— Неизвестный. Если в камере организм с Земли мелового периода, его основные биохимические процессы будут родственны современным, но микрофлора, вирусы и симбиотические организмы могут представлять угрозу. Верно и обратное: современная среда опасна для него.

— Значит, двойной карантин.

— Да. Отдельный контур для защиты людей и самого организма.

— При условии, что там вообще есть организм.

— При условии, что там есть материал, способный стать организмом, — поправила Сара.

Эстебан свёл предложения в единый протокол. До открытия области Б следовало установить мобильный изолирующий шлюз, разместить дистанционные камеры, подготовить два независимых анализа воздуха и проверить возможность отвода энергии от участка. Лаура участвовала только в информационном запросе; подтверждение открытия откладывалось до завершения подготовки и отдельного согласования.

Ибарра подключился в двадцать два тридцать. Выслушав доклады, он попросил Сару повторить вывод простыми словами.

— Область Б, вероятно, предназначена не для хранения и не для обычного лечения. Система показывает полный цикл: законсервированная биологическая структура, восстановление по сохранённой модели, запуск внутренних процессов и переход к самостоятельной жизнедеятельности.

— То есть корабль может оживить один из образцов?

— Возможно. Точнее будет сказать: вернуть образцу активное состояние.

— Вы предлагаете открыть отсек?

— После подготовки изоляции и только внешний проход. Без запуска камер и перемещения образцов.

— Когда?

— Не раньше завтрашнего дня.

— Международная комиссия согласна? — спросил Ибарра.

Накамура подтвердил техническую часть. Эмили потребовала непрерывного контроля внешнего фона, Сара — двойного карантина, Уокер — возможности немедленно герметизировать коридор. Орлов поддержал открытие, но настоял, чтобы дальнейшую задержку не диктовала политика.

— Политическое решение здесь одно, — сказал Ибарра. — Мир уже знает о корабле. О возможном восстановлении древнего организма он не должен узнать из утечки. До подтверждения функции материалы области Б остаются закрытыми.

— Удержать это будет сложно, — предупредил Уокер. — На базе стало больше людей.

— Поэтому доступ получают только участники сегодняшнего сеанса и технические группы, необходимые для подготовки.

— А если камера действительно связана с биохранилищем и корабль начнёт процесс сам? — спросила Лаура.

— Пока энергия идёт только на поддержание области, — сказала София. — После запроса нагрузка выросла на две десятых процента и стабилизировалась. Признаков автоматического цикла нет.

— Наблюдение всё равно усилим, — сказал Эстебан. — Любое изменение останавливает подготовку.

Ибарра утвердил протокол.

После совещания участники разошлись по рабочим группам. Уокер с начальником безопасности выбирали место для шлюза. Орлов проверял маршрут энергетического канала. Накамура готовил систему к утреннему разделению информационных и активных элементов

интерфейса. Эмили перевела датчики в ночной режим и настроила автоматическое сравнение с записью внешнего импульса.

Сара осталась в центре управления с Лаурой и Софией. На большом экране они открыли каталог биохранилища. Земные исследователи присвоили камерам номера, потому что не умели читать подписи корабля. В нижнем ряду было семь небольших образцов. Третий почти полностью скрывали мутноватый слой жидкости и внутренняя рама.

София вывела изображение, снятое камерой при первом обследовании.

Внутри угадывалось лёгкое тело с длинным хвостом, согнутыми задними конечностями и узкой головой. Передние лапы были прижаты к груди. Животное напоминало по размеру крупную домашнюю кошку, хотя вытянутый хвост почти удваивал общую длину.

— Это тот образец, рядом с которым менялась температура, — сказала Лаура.

Сара увеличила область грудной клетки.

— Ткани не деформированы. Нет признаков разложения или кристаллизации. Поза естественна для глубокого сна, но сама по себе ничего не доказывает.

— Вид определить можно?

— По этому изображению — нет. Небольшой теропод, молодой экземпляр более крупного вида или неизвестная ветвь. Нужны другое освещение и томография.

София наложила новую карту. Тонкий канал от биохранилища начинался за стеной именно у третьей камеры и уходил к области Б.

— Совпадение точное, — сказала она. — Погрешность меньше двадцати сантиметров.

— Тогда завтра мы открываем не просто новый биологический отсек. Возможно, мы найдём систему, предназначенную именно для этого образца.

— Экипаж собирал их для изучения. Зачем возвращать образец к жизни после перелёта?

— Поведение, физиология, адаптация к другой среде. Живой организм даёт данные, которых не получить из тканей. Возможно, экипаж собирался содержать животных в исследовательском комплексе на своей планете.

— Или выпускать в восстановленной среде, — предположила София.

— Возможно. Но пока мы знаем только, что корабль умел сохранять организм и, вероятно, возвращать его к активному состоянию.

Лаура закрыла увеличенное изображение. На экране снова осталась общая карта с выделенной областью Б.

— Если он пролежал здесь шестьдесят пять миллионов лет, для него ничего не прошло.

— Для тканей — возможно, — сказала Сара. — Для нас прошло всё это время.

София внесла в журнал рабочее описание области Б. Формулировку «биологическое восстановление» она заменила более точной: «система восстановления жизнеспособного организма после структурной консервации» — и добавила отметку о неподтверждённом назначении.

За стенами командного центра разгружали элементы мобильного шлюза. По внутренней дороге прошёл грузовик с герметичными боксами, следом — машина технической группы Накамуры. База готовилась работать всю ночь.

Международная комиссия прибыла всего несколько часов назад. Этого хватило, чтобы у одной из закрытых областей появилось первое земное назначение и новый протокол доступа. Утром команда должна была проверить предполагаемый вход. До этого корабль оставался в прежнем режиме, а маленькая камера в биохранилище продолжала получать едва заметный импульс каждые девяносто две секунды.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАМЕРА НОМЕР ТРИ

К семи утра мобильный шлюз уже стоял у стены медицинско-биологического уровня.

За ночь техническая группа собрала шлюз из четырёх герметичных модулей, доставленных с оборудованием комиссии. Внешняя секция соединялась с известным коридором корабля, средняя служила зоной обработки, внутренняя заканчивалась прозрачным экраном в трёх метрах от предполагаемого прохода. Между земной конструкцией и корпусом оставили узкий зазор: Эстебан запретил крепить что-либо к поверхности объекта.

По обе стороны коридора тянулись кабели, стойки датчиков и два независимых контура подачи воздуха. У дальней развилки дежурила резервная группа в защитных костюмах. Вооружённый пост Уокер оставил дальше, у Вертикальной дороги: открывать неизвестное биологическое помещение рядом с оружием он не хотел, но полностью убирать охрану отказался.

Лаура остановилась перед внешней дверью шлюза и проверила список допуска на планшете. В первую группу входили Эстебан, София, Сара Лоран, Хироси Накамура и она сама. Марк оставался в контрольной секции с Орловым и инженерами, Эмили следила за внешним фоном из центрального зала, Уокер отвечал за эвакуацию и карантин.

— Пять человек, — сказала Лаура. — Вчера речь шла о шести.

— Я исключил себя, — отозвался Марк из-за прозрачной перегородки. — Кто-то должен остаться снаружи и объяснить, почему вы перестали отвечать.

— Обнадёживающее начало.

— Я стараюсь быть полезным.

Эстебан проверил крепления её защитного костюма.

— Внутри идём только после анализа воздуха. До этого ты открываешь проход и отходишь за экран.

— Я помню протокол.

— Сегодня лучше помнить его без подсказок.

Сара ещё раз пересчитала герметичные пробоотборники, хотя каждый уже был отмечен в системе. Рядом Накамура настраивал две камеры — обычную и объёмную, строившую модель помещения по отражённому свету. Земные радары внутри корпуса почти не работали, поэтому главным инструментом снова оставалось зрение.

Орлов следил за энергетической схемой области Б. После ночного цикла нагрузка выросла на три десятых процента и стабилизировалась. Это могло означать подготовку помещения к открытию или обычную внутреннюю проверку; София внесла в журнал обе версии.

— Канал от биохранилища активен, — сказал Орлов. — Импульс каждые девяносто две секунды. Других изменений нет.

Сара подошла к его экрану.

— Параметры третьей камеры?

— Те же. Температура жидкости выше соседних на одну целую четыре десятых градуса.

— Разница появилась после вчерашнего запроса?

— Мы заметили её раньше. Теперь режим держится точнее.

— Точнее — это насколько?

Орлов вывел график.

— Колебание меньше двух сотых градуса. Даже новая земная лаборатория так температуру не удерживает.

Сара увеличила участок кривой и сохранила копию.

— Значит, система не просто хранит образец. Для него поддерживается отдельный режим.

— Или третья камера ближе к активному каналу.

Эстебан услышал последнюю фразу.

— До обследования оставляем обе версии.

Орлов развёл руками.

— Я ничего не исключал.

— Сегодня это особенно полезно.

В семь двадцать восемь началась окончательная проверка. Шлюз герметизировали, автоматика дважды имитировала утечку и вовремя перекрыла контуры. Уокер потребовал ещё одну проверку ручную. Она заняла девять минут, после чего вопрос герметичности он больше не поднимал.

Эмили вышла на связь из центрального зала.

— Внешний фон без изменений. После ночного цикла новых импульсов нет. Сфера показывает область Б и активный профиль Л-1, но команд не формирует.

— Пятый объём? — спросила София.

— Отображается частично. Маршрут не завершён.

Эстебан включил общую запись.

— Начинаем открытие области Б. Время — семь тридцать семь. Работаем по протоколу Б-один. При любом незапланированном изменении отходим к Вертикальной дороге.

Лаура вошла во внутреннюю секцию шлюза.

Стена корабля сохраняла прежний тёмный цвет. Четыре вертикальные линии, появлявшиеся при приближении группы, сейчас отсутствовали. На полу земной краской обозначили три рубежа: восемь метров, пять и три. Дальше начиналась зона, куда Лаура не должна была заходить без отдельного разрешения.

Она остановилась на первой отметке.

Под поверхностью стены возник знак биологического контура. Рядом появились два элемента, которые Сара связывала с сохранением структуры и восстановлением функций. Линии светились ровно.

— Распознавание профиля подтверждено, — сказала София. — Активных команд пока нет.

Лаура перешла к отметке пяти метров. Вертикальные линии обозначили высокий проход. На этот раз между ними появилась световая полоса у пола, замыкая контур.

Накамура поднял объёмную камеру.

— Геометрия совпадает со вчерашней картой. Ширина — два метра восемьдесят, высота — четыре двадцать.

— Для экипажа такого роста — нормально, — заметила Сара.

Лаура приблизилась ещё на два метра. В центре контура появился заполненный символ Л-1. Справа возник знак области Б, ниже — последовательность из пяти элементов.

София вывела рядом архивные записи.

— Первые три совпадают с запросом на открытие известного медицинского сектора. Последние два мы раньше не видели.

— Что они могут означать? — спросил Эстебан.

Накамура изучил структуру знаков.

— Один связан с разделением среды. Мы видели похожий элемент на шлюзах биохранилища.

Сара указала на последний.

— Этот появлялся перед проверкой состава воздуха в медицинских камерах.

— Корабль предлагает подготовить внутреннюю среду перед открытием, — сказала София.

— Или сообщает, что уже готовит её, — уточнил Эстебан. — Ждём.

Лаура не двигалась. Через несколько секунд от знака области Б к краям прохода разошлись тонкие линии. Датчики шлюза зарегистрировали слабое изменение поля, затем на панели корабля появились две шкалы внутреннего и внешнего давления.

Накамура сравнил их с показаниями шлюза.

— Он измеряет нашу среду.

— Может ли изменить состав воздуха здесь? — спросил Уокер по связи.

— В известном коридоре выпусков нет, — ответила София. — Но теоретически система может изменить состав воздуха.

— Все в автономных системах дыхания?

Эстебан получил подтверждение от каждого участника.

На шкалах появились одинаковые отметки. Новый элемент погас; остались символ Л-1 и контур прохода.

— Похоже на завершение сравнения, — сказал Накамура.

Лаура подняла руку, но не коснулась стены.

Световой контур расширился на ширину ладони. Поверхность внутри прямоугольника потемнела, утратила металлический блеск и стала похожа на глубокую воду. Датчики отметили движение материала без механического шума: стена не раздвигалась и не уходила в стороны — менялось состояние самого участка.

— Отходи, — приказал Эстебан.

Лаура вернулась за прозрачный экран. Тёмная поверхность втянулась по краям и за несколько секунд исчезла. За ней открылось узкое помещение с матовыми стенами; вдоль пола и потолка загорелись световые полосы.

Проход остался открытым.

Группа ждала движения, перепада давления или выброса воздуха. Ничего не произошло. Земные датчики начали забирать первые пробы через тонкую трубку, выдвинутую из шлюза.

Сара следила за показаниями стоя, не касаясь стола.

— Кислород — двадцать один процент. Азот близок к земному уровню. Есть инертные компоненты, которые прибор пока не разделяет. Биологических частиц почти нет.

— Токсины? — спросил Уокер.

— Из известных — нет. Но полный анализ займёт время.

— Сколько?

— Быстрый цикл двенадцать минут. Надёжный — не меньше часа.

Орлов переключил энергетическую схему.

— После открытия нагрузка выросла на шесть десятых процента. Основной рост в стенах нового помещения, не в камерах.

— Освещение и поддержание среды, — предположил Марк.

— Вероятно.

Эстебан распорядился оставить проход открытым и не вводить оборудование внутрь. За двенадцать минут состав воздуха не изменился; температура держалась на восемнадцати целых шести десятых градуса, радиационный фон не отличался от остального корабля.

После быстрого анализа Сара сняла перчатку лишь для работы с планшетом; в шлюз она всё равно входила в полном защитном комплекте.

— Активных микроорганизмов в пробе не обнаружено. Есть органические молекулы и фрагменты белковых структур, но их концентрация ниже, чем в обычной лаборатории после стерилизации.

— Это безопасно? — уточнил Уокер.

— Это означает только одно: известной угрозы мы не нашли. «Безопасно» — более сильное слово.

Уокер принял формулировку без спора.

Эстебан обвёл взглядом участников первой группы.

— Входим только до первой внутренней двери. Ничего не касаемся. Если помещение реагирует на Лауру, она останавливается, остальные отходят.

— Почему я в первой группе? — спросила Сара.

— Потому что это биологический сектор, а вы настояли на личной оценке среды.

— Тогда вопросов нет.

Эстебан первым пересёк границу прохода. Свет вдоль пола усилился, но новых символов не появилось. Следом вошли Сара, Накамура и София; Лаура замыкала группу.

Помещение оказалось короче, чем показывала карта: около двенадцати метров до следующей стены. По обе стороны располагались неглубокие ниши с гладкими панелями, по центру пола шла широкая полоса более светлого материала. Земная камера не обнаружила ни швов, ни креплений, ни вентиляционных решёток.

Лаура сделала шаг внутрь.

На стенах сразу появились линии. Они протянулись от входа к дальней части помещения, обрисовали шесть панелей и остановились у закрытой внутренней двери. Возле каждой возник один и тот же символ — вытянутая капсула в двойном контуре.

— Система снова показывает больше при Л-1, — сказала София.

Накамура записал последовательность появления знаков.

— Это не подсветка маршрута. Система отмечает оборудование.

Сара приблизилась к первой панели, сохраняя расстояние.

— Шесть малых камер?

— Или шесть управляющих узлов, — ответил Эстебан.

— Размер обозначения совпадает с камерами на вчерашней схеме.

— Проверим без открытия.

В первой нише под световыми линиями проявилась прозрачная область. За ней находилась пустая капсула длиной около метра, наклонённая под небольшим углом и соединённая с основанием множеством тонких каналов. Вместо жидкости внутри была матовая подложка, повторявшая форму небольшого тела.

Остальные панели открылись так же, одна за другой. Пять капсул оказались пустыми. В шестой лежал тёмный продолговатый контейнер без прозрачных стен.

Сара прошла вдоль ряда.

— Это не основные восстановительные камеры: слишком маленькие, да и места для обслуживания крупного организма нет.

— Для животных размером с третью камеру биохранилища подходят, — сказала Лаура.

— По размеру подходят. Но назначение может быть диагностическим: здесь могли проверить состояние образца перед основной процедурой.

София сравнила символы с архивом медицинского уровня.

— Двойной контур встречался возле сканирующих платформ. Внутренний знак обозначал живой объект или биологический материал.

— Пока фиксируем как подготовительные капсулы, — решил Эстебан.

Внутренняя дверь не имела видимого интерфейса. Когда группа приблизилась, рядом появился знак Л-1, затем схема помещения за стеной: большой центральный зал, восемь небольших камер по периметру и канал, уходивший к биохранилищу.

Накамура развернул карту.

— Мы видим лишь часть области Б. Основная система за этой дверью.

— Восьми камер не было на первой схеме, — заметила София.

— Они могли находиться в другом информационном слое.

Лаура остановилась у отметки, которую Накамура определил как границу реакции. На двери возникла последовательность, похожая на предыдущую, но без сравнения среды.

— Она считает внешний шлюз достаточным, — сказала Сара.

— Или внутри поддерживается тот же состав воздуха, — ответил Эстебан.

После короткой проверки Эстебан разрешил продолжить. Лаура подняла ладонь. Внутренняя дверь изменила прозрачность и растворилась в стене.

За ней открылся зал высотой не меньше десяти метров.

Свет шёл от широких дуг в потолке и отражался от пола, покрытого тонкой сеткой линий. В центре стояла овальная платформа, окружённая четырьмя сложенными конструкциями, похожими на манипуляторы. Вместо захватов они заканчивались плоскими кольцами и пучками тонких элементов. Вдоль стен располагались восемь капсул разного размера: от рассчитанных на небольшое животное до той, что могла вместить человека.

Ни одна капсула не была прозрачной.

Слева располагалась рабочая зона с тремя сферическими устройствами и вертикальной панелью, справа — ряд закрытых отсеков размером с лабораторный шкаф. В воздухе ощущался слабый запах нагретого камня, хотя приборы не обнаружили известных летучих соединений.

Сара остановилась сразу за дверью.

— Это не медицинская палата.

— Почему? — спросил Эстебан.

— Нет мест для постоянного наблюдения и отдельных систем жизнеобеспечения у каждой капсулы. Всё связано с центральной платформой. Процедура проходила здесь, а капсулы использовались до или после неё.

Накамура направил камеру на подвижные конструкции.

— Механических шарниров нет. Похоже, положение меняется за счёт самого материала.

— Не активируем, — сказал Эстебан.

Орлов отозвался по связи:

— Энергия идёт на центральную платформу. Нагрузка минимальная, но канал готов.

— Отключить его можно?

— Земными средствами — нет. Мы можем только отслеживать рост.

Уокер проверил состояние проходов. Оба оставались открытыми; резервная группа держала связь, показатели шлюза были стабильны.

София начала круговую съёмку. Когда Лаура вошла в центр зала, вертикальная панель у рабочей зоны ожила. Появился символ Л-1, затем схема биохранилища. Из десятков камер корабль выделил одну.

Третью в нижнем ряду.

Сара подошла к панели, не пересекая границу светлой полосы на полу.

— Связь подтверждена.

На схеме от камеры номер три к области Б прошла тонкая линия. Изображение сменилось контуром небольшого тела в двойной оболочке. Вокруг последовательно возникли знаки сохранения структуры, проверки, восстановления и самостоятельной жизнедеятельности.

— Тот же цикл, что вчера. Но теперь он привязан к конкретному образцу, — сказала София.

Эстебан попросил вывести запись в командный центр.

Марк первым увидел увеличенный контур.

— По форме это животное из третьей камеры.

— Схематично, но пропорции совпадают, — подтвердила Сара.

Орлов переключил графики.

— Канал между биохранилищем и областью Б прибавил одну десятую процента нагрузки.

— Мы ничего не запускали, — напомнила Лаура.

— Возможно, это только информационный запрос.

— Или система готовит перенос, — сказал Уокер. — Отойдите от платформы.

Эстебан согласился, и группа отошла к стене. Нагрузка перестала расти, но к прежнему уровню не вернулась.

На центральной платформе тонкая линия очертила форму вытянутой капсулы, хотя самой капсулы там не было. Подвижные конструкции развернулись на несколько градусов и замерли.

Это было первое физическое движение оборудования.

— Всем выйти в первое помещение, — приказал Эстебан.

Они отошли за внутреннюю дверь. Та осталась открытой. Камеры продолжали передавать изображение: платформа удерживала световой контур, манипуляторы не двигались.

Орлов проверял нагрузку в реальном времени.

— Рост остановился: полтора процента выше исходного уровня.

— Это много? — спросила Сара.

— Для всего корабля — почти ничего. Для одного помещения — достаточно, чтобы запустить серьёзный процесс.

— Можно считать, что запуск начался?

— Нет. Система перешла в готовность.

Эстебан кратко доложил Ибарре. Министр потребовал сохранить все записи и не прерывать обследование, пока параметры стабильны; решение о дальнейших действиях он оставил группе на месте.

— Мы открыли оба прохода. Центральное оборудование отреагировало на профиль Лауры и выбрало камеру номер три. Активных действий не предпринимаем, но зал нужно осмотреть полностью.

— Без Лауры? — спросил Уокер.

София проверила панель.

— После её выхода схема сохраняется. Похоже, профиль нужен только для вызова информации.

— Тогда Лаура остаётся здесь. В зал возвращаемся втроём: я, Сара и Накамура. София контролирует карту.

Лаура хотела возразить, но оценила движение манипуляторов на записи.

— Хорошо. Но при новом движении оборудования выходите сразу.

— Так и сделаем.

— Теперь я напоминаю протокол тебе.

Эстебан только кивнул.

Через минуту они вернулись во второй зал. Центральная платформа не изменилась. Накамура поставил две камеры у входа и занялся рабочей зоной; Сара пошла вдоль капсул, сохраняя метровую дистанцию.

Первая капсула была около сорока сантиметров длиной и показывала пустой двойной контур. Вторая, вдвое больше, несла знак завершённого цикла. Символы третьей и четвёртой программа ещё не распознавала. Пятая соответствовала по размеру человеческой медицинской платформе, остальные отличались формой и внутренней геометрией.

— Они универсальные? — спросил Эстебан.

— Скорее специализированные. Разные размеры, положение тела, способы подключения. Это не одинаковые камеры для экипажа.

— Для разных видов животных.

— Вероятно. Или для разных этапов одного процесса.

Накамура нашёл в рабочей панели архивный слой. Вместо видео он показывал последовательности операций. В одной небольшая капсула перемещалась к центральной платформе, четыре кольца окружали её, изображение разбивалось на множество тонких слоёв, после чего капсула возвращалась к стене.

— Сканирование? — предположил Эстебан.

— Намного подробнее обычной томографии. Возможно, система строит полную структурную модель организма.

В другой последовательности на платформе оставался только световой контур тела. Из закрытых отсеков справа к нему шли потоки вещества, показанные множеством точек; контур постепенно заполнялся внутренними структурами.

Сара приблизила изображение.

— Вот восстановление по шаблону: сначала каркас, затем ткани и внутренние системы.

— Оно создаёт организм заново?

— Или восстанавливает существующий организм на уровне, который для нас выглядит как создание. Схема не показывает исходного состояния.

Третья последовательность была короче: капсула открывалась, внутри появлялся знак активной жизнедеятельности, затем организм переносился в один из боковых модулей.

— Значит, результат не оставляли на платформе, — сказал Эстебан.

— После процедуры требовалось наблюдение или адаптация. Восемь боковых камер могли служить восстановительным отделением.

На дальней стене находился единственный проход, не показанный на первоначальной карте. Он был меньше остальных и вёл в узкий технический коридор, откуда линия уходила к биохранилищу.

Проход оставался закрытым. На его поверхности светился знак третьей камеры.

— Транспортный канал, — сказал Накамура. — Скорее всего, образцы перемещались автоматически.

— Тогда динозавр всё ещё находится в биохранилище, — сказала Сара.

— Пока да.

Она продолжила осмотр капсул. У шестой поверхность оказалась прозрачнее, чем у остальных. Внутри были видны тонкие опоры, расположенные под грудной клеткой, шеей и тазом небольшого животного. По форме они почти совпадали с телом в камере номер три.

Сара вызвала Лауру и Софию к порогу, не предлагая входить.

— Посмотрите на геометрию.

София наложила архивное изображение животного на модель опор. Совпадение оказалось близким; только хвост пришлось бы укладывать по спирали вдоль стенки.

— Эта капсула предназначена именно для него? — спросила Лаура.

— Не обязательно для этого экземпляра. Но для животного такого типа и размера — да.

На поверхности капсулы появился новый знак. Он повторял обозначение камеры номер три, а под ним отображались три пустые отметки.

София сравнила последовательность с архивом.

— Похоже на этапы: перенос, проверка структуры, восстановление.

— Все пустые, — заметил Эстебан.

— Значит, процесс не начат.

Орлов подтвердил, что нагрузка оставалась стабильной. Это позволило группе продолжить пассивное обследование.

Закрытые отсеки справа оказались хранилищем материалов. При Накамуре их панели оставались тёмными; когда подошла Сара, появились обозначения сложных органических соединений, но доступа система не предложила.

— Возможно, это сырьё для восстановления тканей: аминокислоты, липиды, минеральные компоненты. Если хранение рассчитано на миллионы лет, разумнее сохранять стабильные исходные вещества, а не готовые клетки.

— Или синтезировать их из того, что есть на корабле, — добавил Накамура.

— Тогда нужны огромные запасы элементов и очень точная система сборки.

— Корабль три километра длиной. Пространство у него было.

Сара провела спектральный анализ поверхности одного отсека. Прибор показал слабые следы углерода, азота, фосфора и нескольких металлов; определить содержимое через стенку было невозможно.

Возле платформы Накамура обнаружил встроенный в пол управляющий узел. На него и Эстебана тот не реагировал. После повторной проверки нагрузки София вошла в зал вместе с Лаурой.

При появлении Л-1 узел активировался.

Над полом возникла подробная модель камеры номер три: жидкость, внутренний каркас, тело животного, температура, состояние тканей и несколько пока нерасшифрованных шкал.

Сара опустилась на одно колено у границы световой проекции.

— Можно увеличить грудную клетку?

Лаура провела рукой над моделью, повторив знакомый жест. Изображение раскрылось слоями, и пространство заполнили тонкие контуры костей, мышц и внутренних органов.

Маленькое сердце оставалось неподвижным.

Сосуды были заполнены жидкостью, отличавшейся по плотности от среды камеры. Лёгкие оставались сжатыми. Мозг отображался сложной сетью, в которой несколько участков светились слабее остальных.

— Структура сохранена, — сказала Сара, уже без прежней осторожности в голосе. — Клеточные границы не разрушены, сосуды целы, нервная ткань различима. Для земного организма после такого срока это невозможно.

— Он жив? — спросила Лаура.

Сара изучила шкалы и попросила Софию вывести данные по импульсу, повторявшемуся каждые девяносто две секунды.

На модели прошла волна от основания камеры к телу. Она охватила органы, задержалась в области мозга и исчезла.

— Система поддерживает структуру, но самостоятельной жизнедеятельности нет. Сердце не сокращается, обмен веществ почти остановлен, электрическая активность ниже порога наших приборов.

— Значит, мёртв.

— По обычным медицинским критериям — да. Для корабля это, возможно, незавершённое состояние хранения.

Эстебан попросил более точную формулировку.

— Известных признаков жизни нет, но ткани сохранены в состоянии, допускающем восстановление. Больше я утверждать не готова.

Лаура увеличила изображение головы. Узкая челюсть была закрыта, вдоль затылка тянулся ряд коротких перьев или волокнистых структур. На передних конечностях различались по три длинных пальца. По пропорциям животное могло быть либо молодой особью, либо взрослым представителем небольшого вида.

— Мы называем его динозавром, — сказала она. — Насколько это точно?

Сара вызвала общий скелет.

— Таз, задние конечности, хвост и строение черепа указывают на небольшого теропода. Точный вид без сравнения и генетического анализа не определить. В меловой Патагонии жили группы, о многих из которых мы знаем лишь по неполным находкам.

— Пол можно установить?

— Не сейчас. И возраст пока приблизительный: молодая особь или взрослое животное небольшого вида.

На панели появилась короткая последовательность: камера номер три, транспортный канал, пустая капсула у стены, центральная платформа и в конце — символ активного организма.

— Это маршрут процедуры, — сказала София.

Уокер немедленно спросил:

— Есть команда запуска?

— Возможно, — ответил Накамура. — Но система пока только показывает последовательность.

Лаура убрала руку. Модель сохранилась.

Эстебан распорядился записать все элементы и не касаться управляющего узла. Главное стало ясно: область Б связана с камерой номер три и, вероятно, способна восстановить находящийся там организм. Без отдельного научного и правительственного решения запуск исключался.

Орлов принял запрет спокойнее, чем ожидала Лаура.

— Сначала нужно понять энергопотребление полного цикла. Если платформа возьмёт мощность из двигательного сектора, последствия выйдут далеко за пределы биологии.

— И понять, чем система восстанавливает ткани, — добавила Сара. — Она может использовать исходный организм, сохранённый шаблон или заново собирать часть структур.

— И что произойдёт с жидкостью при переносе, — добавил Уокер. — Нам нужен ответ, можно ли вернуть образец, если цикл остановится.

Эстебан перечислил задачи в журнале.

— До ответов камера номер три закрыта. Область Б — только наблюдение. Внутри остаются автономные приборы.

Накамура разместил камеры у платформы и транспортного прохода, Сара — два спектрометра возле хранилища материалов. Всё земное оборудование стояло на собственных опорах и не касалось поверхностей корабля.

Перед выходом Лаура ещё раз подошла к модели животного. Система показывала общий контур в двойной оболочке и три незаполненные отметки процедуры.

— Он ждёт команды? — спросила она.

— Оборудование готово принять образец. Это ещё не означает «ждёт» в человеческом смысле.

— Разница сейчас небольшая.

— Для решения — большая.

Группа покинула зал в девять пятьдесят четыре. Внутреннюю дверь оставили открытой, чтобы камеры сохраняли прямую связь. Не закрывали и внешний проход: изоляцию обеспечивал мобильный шлюз, а для повторной активации могла понадобиться Лаура.

После выхода все прошли обработку и медицинский контроль. Пробы с костюмов не показали загрязнения; воздух области Б оказался стерильнее большинства помещений базы.

В командном центре на большом экране вывели три изображения: камеру номер три в биохранилище, модель тела и центральную платформу нового отсека.

Ибарра подключился из Буэнос-Айреса. Рядом с ним находились советник президента по науке Рикардо Лопес и представители санитарной службы. Эстебан изложил результаты без демонстрации полной схемы Л-1.

— Новый отсек связан с камерой номер три. Мы обнаружили центральную платформу, восемь капсул, систему манипуляторов, хранилище материалов и автоматический транспортный канал. По имеющимся данным, это комплекс восстановления и последующего наблюдения.

На экране появилось изображение маленького животного.

— Это подтверждённый динозавр?

— Небольшой теропод. Вид, возраст и пол не установлены. Сохранность тканей недостижима известными земными методами.

— Он жив?

— Самостоятельных признаков жизни нет. Но корабль считает организм пригодным для восстановления и показывает цикл, который заканчивается активной жизнедеятельностью.

Представитель санитарной службы спросил о патогенах. Сара напомнила, что риск двусторонний: древняя микрофлора может оказаться опасной для современных организмов, современная — для восстановленного животного. Даже без инфекции его иммунная система попадёт в мир, которого не существовало во время консервации.

— Мы можем содержать его внутри корабля? — спросил Лопес.

— Возможно, для этого предназначена одна из боковых капсул. Но её среду и функции мы ещё не проверили.

— Ваше предложение?

— Сегодня не запускать. Сначала изучить последовательность операций, рассчитать энергопотребление, подготовить отдельный карантинный модуль и понять, где проходит точка, после которой цикл нельзя остановить. И заранее решить, кто отвечает за живой организм, если всё удастся.

— Технически комплекс готов. Но до расчёта мощности я за отсрочку: при запуске канал к области В может изменить нагрузку на другие уровни.

Это заявление удивило даже Марка.

— Я ожидал, что вы предложите начать до обеда, — сказал он.

— Я предлагал открыть дверь. Между дверью и живым динозавром есть несколько инженерных задач.

Накамура свёл главную неопределённость к одному вопросу: корабль показывал процедуру единым циклом, а группа не знала, можно ли остановить её между переносом, проверкой структуры и восстановлением.

— После извлечения из камеры остановка может погубить образец. Если не останавливать, мы рискуем получить живой организм без подготовленной среды. Оба варианта неприемлемы.

Уокер потребовал отдельный герметичный модуль, двойную фильтрацию, дистанционное кормление, средства обездвиживания без огнестрельного оружия и свободный маршрут эвакуации.

— Животное размером с кошку, — заметил Лопес.

— Размер не делает его безопасным. Мы не знаем поведения, скорости, силы укуса, реакции на свет и людей. И главная угроза вообще может оказаться микроскопической.

За несколько минут маленький динозавр превратился в перечень биологических, технических и юридических рисков. Лаура понимала неизбежность этого языка, но ей не нравилось, как быстро живое тело на экране стало «образцом» и «объектом содержания».

— Есть ещё вопрос. Зачем экипаж вообще предусмотрел восстановление этого животного?

— Для исследования в живом состоянии.

— Тогда должны существовать помещения для содержания, питание, подходящая среда. Пока мы нашли только камеры и оборудование.

— Мы исследовали не весь сектор. За этим залом могут быть дополнительные помещения. После процедуры животное могли перевозить и в другую часть корабля.

— Или ненадолго возвращать к активности, получать данные и снова консервировать, — предположил Накамура.

— Это возможно? — спросил Ибарра.

— Если система умеет обратимо останавливать жизненные процессы — да. Но подтверждений нет.

— Есть ещё одна связь. Область Б стала доступна после ответа из космоса. Возможно, корабль проверяет не только себя, но и состояние коллекции. Восстановление могло быть стандартной подготовкой перед возвращением экипажа.

— Экипаж пока не вернулся, — сказал Ибарра.

— Корабль может готовиться заранее.

Версия Эмили изменила разговор. Если корабль готовил биологическую коллекцию к прибытию тех, кто отправил импульс, у комиссии могло оказаться меньше времени, чем они считали. Признаков нового сигнала к Земле пока не было, но исключить его Эмили не могла.

Ибарра утвердил решение Эстебана: до следующего совещания — никакого запуска, открытия камеры номер три и активных команд в области Б. На подготовку технического и биологического плана комиссия получила шесть часов.

После связи Марк подошёл к Орлову.

— Значит, теперь вы за осторожность.

— Я за эксперимент, который можно закончить.

— Эстебан скажет, что начинает вас уважать.

— Не говорите ему. Это испортит рабочие отношения.

В лабораторном модуле Сара собрала Софию, Лауру, двух палеонтологов базы и специалиста по сравнительной анатомии. Они работали с объёмной моделью внутри защищённого контура.

Скелет был лёгким, с длинными задними конечностями и гибким хвостом. На предплечьях сохранились следы покровных структур, похожих на перья. Вытянутый череп и мелкие зубы указывали скорее на небольшую добычу и насекомых, чем на охоту на крупных животных.

— Масса — четыре-шесть килограммов, высота в бедре около сорока сантиметров. Если это взрослая особь, перед нами небольшой хищник. Если молодая, взрослые могли быть заметно крупнее.

— Можно определить возраст по костям? — спросила Лаура.

— Срезы не нужны, если модель показывает внутреннюю структуру. Но шкалы роста неизвестного вида у нас нет.

Сара увеличила суставы.

— Зоны роста закрыты не полностью. Скорее молодая особь, но уже не детёныш.

— Чем он питался?

— Вероятно, мясом, насекомыми, мелкими позвоночными. В первые часы после восстановления корм может не понадобиться. Важнее вода, температура и электролиты.

— Корабль может обеспечить их сам.

— Может. Но мы должны иметь земной резерв.

София анализировала знаки вокруг модели. Один элемент повторялся возле желудочно-кишечного тракта и в обозначениях хранилища материалов; после нескольких сравнений она связала его с подготовкой питательной среды.

— Тогда восстановление — это не просто запуск сердца и дыхания. Система должна заполнить сосуды, восстановить микрофлору или её замену, выровнять химический состав тканей. Фактически вернуть организм к работе целиком.

Лаура выбрала нейтральное изображение животного без внутренних органов. Оно лежало, свернув хвост вдоль тела, и казалось спящим.

— Ему будет больно?

Вопрос сразу вывел разговор из области техники.

— Мы не знаем. Если система создавалась для научных образцов, она должна минимизировать повреждения. Но мы не понимаем, когда вернётся сознание. Поэтому нужен контроль нервной активности и возможность седации.

— Земные препараты подойдут?

— Возможно. До восстановления вводить их нельзя; после — только по состоянию. Дозировку придётся рассчитывать для неизвестного вида.

Палеонтолог предложил ингаляционный анестетик в карантинной камере. Сара согласилась подготовить несколько концентраций, но вмешиваться — только при угрозе животному или персоналу.

К полудню группа Накамуры расшифровала ещё часть последовательности. Три отметки действительно означали перенос, структурную проверку и восстановление. В общем символе скрывалась четвёртая — такая же, как возле боковых капсул.

— Наблюдение после процедуры. Система не выпустит организм сразу: сначала оставит его в изолированной камере.

— Это снижает риск, — сказал Уокер.

— Если камера герметична и мы можем контролировать её работу.

— Можно выбрать какую?

— Корабль уже выбрал шестую. Она соответствует размеру животного.

Орлов представил расчёт энергии. Полный цикл мог увеличить нагрузку области Б в пятьдесят-сто раз, но для всего корабля это оставалось долями процента. Риск был не в объёме, а в источнике: часть энергии должна была прийти из сектора В, назначение которого ещё не установили.

— Запуск области Б может затронуть область В. Не обязательно двигательную систему, но связь между ними прямая.

Эстебан добавил условие в протокол: отдельная группа наблюдает область В и немедленно выводит персонал при изменении поля или температуры.

Эмили сообщила, что внешний фон не меняется, новых импульсов нет. Она предложила пассивно запросить центральную сферу и выяснить предполагаемую длительность процедуры.

— Без подтверждения запуска, — уточнила Лаура.

— Только информация.

В центральный зал отправились Лаура, София и Накамура. Сфера активировалась при появлении Л-1. Область Б светилась ярче остальных, к биохранилищу уходил канал. Лаура вызвала схему животного и повторила жест, которым раньше раскрывала временные последовательности архивов.

Над панелью появились четыре этапа, каждый с дугой разной длины. София сопоставила их с внутренними циклами корабля.

— Если короткая дуга — те же девяносто две секунды, весь процесс займёт около трёх часов.

— Погрешность? — спросил Накамура.

— Большая. От двух с половиной до четырёх часов.

Затем система показала отдельный, значительно более длинный период наблюдения. По расчёту Софии, животное должно было провести в боковой капсуле не меньше суток.

— Значит, корабль предусмотрел наблюдение, — сказала Лаура.

На сфере возник новый элемент. Он соединил Л-1 с первым этапом процедуры.

Накамура приблизил запись.

— Запуск требует вашего профиля.

— Только запуск?

— Возможно, и подтверждение готовности. Остальные этапы выглядят автоматическими.

София нашла символ возврата, но он относился только к первому этапу — до перемещения образца.

— После начала переноса остановить цикл, вероятно, уже нельзя.

— Тогда это главное условие решения: либо запускаем весь цикл, либо не начинаем.

Когда они вернулись, у выхода из корабля уже собирали мобильный карантинный модуль. Уокер настоял на резерве даже при наличии внутренней капсулы. В модуле установили прозрачную камеру, дистанционные манипуляторы, фильтрацию воздуха и три независимых датчика движения.

Сара задала двадцать четыре градуса и высокую влажность, близкую к предполагаемым условиям меловой Патагонии. Свет сделали рассеянным, пол покрыли мягким сменным материалом.

— Мы строим террариум для животного, которого ещё утром считали мёртвым, — сказал Марк.

— Пока это карантинная камера, — поправила Сара.

— Террариум звучит честнее.

— Честнее будет после того, как оно начнёт дышать.

К четырнадцати часам все группы представили заключения. Прямых научных оснований запрещать процедуру не осталось; риски считались управляемыми лишь в той мере, в какой вообще можно было говорить о контроле над инопланетной технологией.

Теперь спорили прежде всего о цели и ответственности.

Лопес видел в восстановлении уникальный шанс изучить физиологию динозавров и технологию корабля. Сара — проверку комплекса на организме, для которого он, вероятно, предназначался. Накамура хотел понять, способен ли корабль завершить сложную процедуру после миллионов лет консервации. Эмили — проследить, изменится ли связь с внешним источником.

Эстебан напомнил: научная ценность сама по себе не даёт права запускать процедуру.

— Мы вернём к жизни существо, которое не может вернуться в свой мир. После удачного запуска ответственность не закончится — она начнётся.

— Оно уже существует. Мы не собираем животное из базы данных — его тело в камере. Вопрос лишь в том, оставим ли мы его в состоянии, которое корабль считает обратимым.

— Но имеем ли мы право выбирать за него?

— Оно не может выбрать ни один вариант.

— Экипаж уже сделал выбор, поместив его в систему сохранения. Они рассчитывали вернуть животное к жизни. Мы можем ошибаться в их целях, но оборудование и маршрут явно рассчитаны на этот образец.

— Вы готовы подтвердить запуск своим профилем?

— После утверждения общего протокола — да.

— Сегодня восстановление не запускаем. Сначала сухой цикл без перемещения образца: активируем диагностику платформы и проверим, можно ли остановиться до открытия транспортного канала. Если система не допускает тест, решение переносится.

Орлов согласился. Накамура счёл сухой цикл технически оправданным; Сара потребовала немедленно прекращать проверку при любом изменении параметров камеры номер три.

В шестнадцать десять группа снова вошла в область Б.

За прошедшие часы помещение не изменилось. Центральная платформа удерживала слабый контур будущей капсулы, шестая боковая камера оставалась закрытой, транспортный проход к биохранилищу показывал знак камеры номер три.

Лаура подошла к управляющему узлу. На модели появились четыре этапа. Она выбрала первый, но не подтвердила.

Платформа осветилась. Манипуляторы развернулись в рабочее положение. Из закрытых отсеков справа к основанию прошёл короткий поток энергии, на панели возник запрос готовности транспортного канала.

— Это граница, — сказал Накамура. — Следующее подтверждение начнёт перенос.

— Можно отменить?

Лаура вызвала знак возврата. Платформа погасла, манипуляторы сложились, нагрузка вернулась к исходной.

Орлов подтвердил снижение.

— Сухой цикл завершён. Система остановилась корректно.

Сара проверила камеру номер три по удалённой записи.

— Параметры образца не изменились.

Эстебан внёс результат в протокол. Теперь они знали: процедуру можно подготовить и отменить до переноса. После следующего подтверждения обратного пути может не быть.

На этом работа в отсеке закончилась. Группа оставила камеры, закрыла внутренний проход и вышла через шлюз. Область Б продолжала получать энергию, но центральная платформа больше не показывала контур.

К вечеру база вернулась к привычному шуму. В лабораториях разбирали записи, у карантинного модуля менялась смена, в столовой спорили, можно ли считать животное живым до запуска сердца. За внешним периметром журналисты знали лишь об открытии нового уровня корабля; о динозавре не сообщали.

София собирала итоговую карту в центре управления. Шесть подготовительных капсул, восемь восстановительных, центральная платформа, хранилище материалов, транспортный канал — область Б перестала быть пустым контуром и стала одной из самых подробно изученных частей корабля.

Лаура пришла перед сменой ночной группы с распечаткой маленького теропода — редким бумажным листом среди экранов и планшетов.

— Сара сказала, что вид определить пока нельзя, — сказала она.

— Программа сравнивает скелет с находками из Южной Америки. Совпадения частичные.

— Значит, у него даже имени нет.

— Есть номер камеры.

— Это не имя.

В официальных документах животное проходило как «биологический образец БХ-3». Формулировка была точной и ничего не говорила о пальцах, закрытых веках и коротких структурах вдоль шеи.

— До определения вида лучше не придумывать название, — сказала она.

— Я не предлагаю вносить его в отчёт.

Лаура положила распечатку рядом с экраном. На ней маленькое тело лежало в прозрачной жидкости, свернув длинный хвост вдоль стенки камеры.

В двадцать один час система провела очередной поддерживающий импульс. Волна прошла через ткани, задержалась в области мозга и исчезла. Сердце осталось неподвижным; показатели не изменились.

Завтра комиссия должна была решить, запускать ли полный цикл. До этого камера номер три оставалась частью корабля, а существо внутри — частью далёкого мира, сохранённой вне движения и времени.

На базе уже подготовили воздух, воду, тепло и защиту. Всё необходимое для жизни было рядом.

Не хватало только самого первого вдоха.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРВОЕ ДЫХАНИЕ

Решение о запуске полного цикла приняли в девять сорок утра.

К этому времени комиссия почти четыре часа работала в лабораторном модуле. На стене поочерёдно появлялись изображения камеры номер три, реконструкция скелета и графики

слабых ответов тканей. Сара Лоран дважды перепроверила результаты, запросила независимую обработку и лишь после этого вывела итоговую модель на центральный экран.

Маленький теропод лежал внутри прозрачной камеры, поджав передние конечности к груди. Длинный хвост огибал тело вдоль стенки. Тонкие структуры на шее и спине, похожие на короткие перья, в жидкости казались почти бесцветными. На увеличенном изображении различались закрытые веки, узкие пальцы и небольшая деформация левой задней конечности.

— Перелом? — спросила Лаура.

— Старый. Кость срослась задолго до помещения в камеру. Неровно, но животное продолжало двигаться. Есть повреждение правого лёгкого и несколько рубцов на коже. Всё это возникло при жизни.

Сара вывела схему тканей.

— Обычного разложения нет. Вода связана с неизвестными соединениями, белковые структуры сохранились, ДНК не распалась на короткие фрагменты, сосуды проходимы. Ни заморозкой, ни известным нам способом консервации это состояние не назовёшь.

Орлов придвинул планшет.

— Но организм мёртв.

— Сердце не работает, дыхания нет, мозговая активность отсутствует. По земным критериям — да.

— А по критериям корабля?

Сара показала символ возле камеры номер три.

— Корабль относит образец к незавершённому биологическому процессу. Для него это не останки. Это организм, который не прошёл последний этап.

Накамура вывел вчерашнюю последовательность. Ночная расшифровка позволила уточнить прежнюю схему. Перенос, структурная проверка и восстановление оставались верхним уровнем процесса; после них следовал отдельный период наблюдения. Внутри самого восстановительного цикла интерфейс выделял четыре операции: диагностику, ремонт тканей, подготовку среды и запуск самостоятельной работы органов.

— Безопасную отмену мы подтвердили только до переноса, — сказал Накамура. — Дальше корабль может давать контрольные точки, но гарантированного возврата образца в исходное состояние у нас нет.

Уокер сидел ближе к выходу. Перед ним лежали схема карантинного модуля и таблица возможных угроз: микроорганизмы, токсины, аллергены, нарушение герметизации, непредсказуемое поведение. Почти в каждой строке стояло одно и то же: «данных нет».

— Мы не знаем, что находится в кишечнике животного, на коже и в дыхательных путях. Не знаем, способны ли эти организмы существовать сегодня и как они взаимодействуют с современной биотой.

— При длине семьдесят четыре сантиметра оно не разрушит карантинный бокс, — заметил Орлов.

— Размер не отменяет инфекцию.

— Признаков ядовитых желёз нет, — сказала Сара.

— Из тех, которые умеют видеть наши приборы.

Эстебан не дал спору вернуться к уже пройденному.

— Карантин остаётся максимальным. После восстановления образец переводится в закрытый бокс с отдельной атмосферой. Первичный осмотр — только через перегородку и дистанционными манипуляторами. Людей внутри не будет.

Марк перелистнул протокол.

— Вы обсуждаете пробуждение так, словно уже решили его провести.

— Поэтому мы здесь, — ответил Эстебан. — До запуска каждый должен назвать причину согласия или отказа. Чтобы потом никто не говорил, будто решение приняла сама машина.

Эмили Картер участвовала в совещании из центрального зала. За её спиной виднелась синяя сфера и часть внутренней карты корабля.

— Внешний импульс не повторялся. Энергетическая нагрузка стабильна. Активация области Б не изменила работу передающего узла. По имеющимся данным процедура локальная.

— Но новые области открылись после импульса, — напомнил Уокер.

— Связь между событиями есть. Команды на восстановление извне мы не зарегистрировали.

Орлов поднял руку, словно находился на университетском семинаре.

— Я за запуск. У нас есть оборудование, созданное для этого организма, и образец, который экипаж намеренно сохранил. Отказ тоже будет вмешательством: мы оставим процедуру незавершённой только потому, что боимся результата.

Накамура сформулировал осторожнее:

— Поддерживаю запуск, если интерфейс позволит контролировать переходы между этапами. До переноса мы умеем остановиться. После него риски существенно выше.

Сара держала перед собой распечатанную модель животного.

— Я согласна. Не ради доказательства и не ради прессы. Камера продолжает сохранять ткани, но мы не знаем, бесконечен ли её ресурс. Экипаж подготовил организм к возвращению. Если процедура ещё выполняема, промедление может лишить его этой возможности.

Уокер провёл пальцем по таблице.

— Я против немедленного запуска. Сначала полный тест карантина: герметичность, перепад давления, аварийное питание и изоляция атмосферы.

— На это уйдёт около полутора часов, — сказал инженер.

— Значит, потратим полтора часа.

Эстебан согласился.

Марк отодвинул чашку с остывшим кофе.

— Я за запуск после теста. С одной оговоркой: никто не называет это воскрешением. Корабль не собирает существо из разрушенных останков. Он завершает процесс, начатый шестьдесят пять миллионов лет назад. Разница важна.

София внесла формулировку в протокол.

— «Возобновление жизненных функций после контролируемой биологической остановки».

— Вот почему отчёты следует поручать тебе, — сказал Марк. — Одно предложение — и исчезает вся поэзия вместе с половиной религиозных споров.

— Вторая половина всё равно останется.

Эстебан обратился к Лауре последней. Без профиля Л-1 корабль мог не принять подтверждение, и её участие отличалось от голосов остальных.

— Твоё решение?

На экране маленький теропод выглядел спящим, если не помнить, сколько времени прошло с последнего движения его грудной клетки.

— Я согласна после проверки карантина. Но в протоколе должно быть записано, что это решение всей группы. Корабль распознаёт мою руку, а не моё право решать за остальных.

— Так и будет.

Министр Ибарра подключился только для утверждения мер безопасности. В научное голосование он не вмешивался, но потребовал сохранить полную запись и заранее подготовить сообщение для правительства.

— За периметром уже знают, что комиссия вошла в новый биологический сектор. Если база внезапно перейдёт в карантин, журналисты заметят это раньше, чем мы закончим первое предложение пресс-релиза.

— Об образце пока не сообщаем, — сказал Эстебан.

— Пока нет подтверждённого результата — да. Потом скрывать находку не получится и не следует.

Карантинный тест начали в десять пятнадцать.

Внутренний бокс представлял собой помещение длиной шесть метров внутри земного медицинского модуля, соединённого со шлюзом у области Б. Многослойные прозрачные стены выдерживали перепад давления и химическую обработку. В потолке располагались форсунки, камеры и два роботизированных манипулятора. Единственная дверь вела в промежуточную секцию, которую можно было изолировать с обеих сторон.

Вместо животного внутри поместили контейнер с нагретым газом и безопасными маркерами. Давление подняли, снизили, проверили клапаны и имитировали утечку. Следы вещества появились только там, где и должны были, — в аварийном контуре.

Уокер потребовал повторить критические операции после отключения основного питания. Резервный контур включился почти мгновенно, двери остались закрытыми, вентиляция перешла на автономный режим.

— Этого достаточно? — спросил Орлов.

— Для начала процедуры — да. Для входа людей — нет.

— Сегодня туда никто не войдёт.

— Тогда согласен.

Пока инженеры возвращали модуль в исходное состояние, Сара проверяла подготовленную атмосферу. Вместе с данными камеры номер три корабль хранил параметры газовой смеси, температуры и влажности — предположительно тех условий, в которых находилось животное перед консервацией. Числовые значения удалось расшифровать лишь частично.

Основу смеси составляли азот, кислород, углекислый газ и водяной пар. Концентрации не выглядели опасными для современного животного, но отличались от воздуха базы. Присутствовали следы соединений серы, растительных летучих веществ и нескольких молекул без точного земного аналога.

— Это воздух места, где его поймали? — спросила Лаура.

— Возможно. Или модель, которую камера построила под физиологию самого организма. Эмили сопоставила параметры с геологическими реконструкциями позднего мела.

— Общая картина правдоподобна. Температура и влажность выше нынешних местных значений. Содержание кислорода отличается не настолько, чтобы само по себе объяснять отдельный этап процедуры.

Накамура указал на блок подготовки среды.

— Возможно, речь не только о внешнем воздухе. Корабль сравнивает исходную среду с доступной и формирует переходный режим.

— То есть может подготовить животное к современному воздуху? — спросила София.

— Может попытаться. Предел изменений мы не знаем.

Сара сразу обозначила границу:

— Никакой перестройки организма, пока мы не понимаем, что именно меняется. Пробуждение начинаем в исходной смеси. Если состояние будет стабильным, различия уменьшаем постепенно.

В одиннадцать пятьдесят в область Б вошли шестеро: Эстебан, Лаура, София, Сара, Накамура и инженер биологических систем Гонсало Ромеро. Марк, Орлов и Уокер заняли контрольные места за прозрачной перегородкой шлюза. Эмили оставалась у синей сферы.

Область Б встретила их рабочим светом. Вдоль стен стояли малые капсулы и закрытые восстановительные камеры. Центральная платформа сохраняла слабое свечение. Над ней висела объёмная схема камеры номер три.

Корабль распознал Л-1 ещё до прикосновения Лауры к управляющему узлу. Рядом возник знак коллективного подтверждения, знакомый по эксперименту в челноке.

— Снова предлагает второго участника? — спросил Гонсало.

— Или просто отмечает, что оператор один, — сказала София.

Накамура изучил расположение элементов.

— Процедуру знак не блокирует.

— Тогда не проверяем, — решил Эстебан.

Лаура коснулась панели.

Карта области Б раскрылась полностью. Отдельно от четырёх внутренних блоков восстановительного цикла появился транспортный канал к биохранилищу. Перед ним горел знакомый знак подтверждения — та самая граница, до которой сухой цикл позволял безопасно отменить команду.

— Запись идёт, — сообщила София.

— Передающий узел без изменений, — сказала Эмили по связи.

Эстебан сверился с протоколом.

— Разрешаю подготовку транспортного канала. Перенос — только после отдельного подтверждения.

Лаура выбрала команду подготовки.

В полу платформы разошлись две узкие линии. Из них поднялось кольцо светлого материала, а над центром сформировалась прозрачная оболочка. Манипуляторы раскрылись и заняли рабочие положения. Транспортный канал обозначился длинной полосой света, уходившей в корпус.

На панели появился запрос готовности камеры номер три.

— Параметры образца совпадают с ночными, — сказала София.

Сара сверилась с земными датчиками.

— Температура тканей без изменений. Поддерживающие импульсы идут по прежнему циклу.

Эстебан выдержал несколько секунд.

— Подтверждаем перенос.

Лаура коснулась знака.

На записи из биохранилища камера номер три отсоединилась от гнезда и вместе с основанием ушла в пол. Поверхность за ней сразу сомкнулась. Через секунду земные датчики потеряли сигнал.

В области Б прозрачная оболочка заполнилась мутным свечением. Затем внутри проступил край цилиндра. По земным камерам невозможно было понять, каким образом закрытый транспортный канал доставил его к платформе. Через двадцать три секунды свечение исчезло.

Камера номер три стояла в центре зала.

Животное сохраняло прежнее положение. Жидкость не колебалась. На стенках не было пузырьков.

Интерфейс не предложил возврата в биохранилище. Вместо этого появился отдельный запрос на начало диагностики.

— Параметры? — спросил Эстебан.

Сара читала данные сразу с трёх экранов.

— Стабильны. Перемещение не повлияло на температуру и структуру тканей. Камера герметична.

Уокер подтвердил готовность карантинного бокса.

— Разрешаем диагностику, — сказала Сара. — До ремонта система должна показать, что именно собирается менять.

После подтверждения жидкость стала светлее. Вдоль тела прошли тонкие линии. Над капсулой возникла объёмная модель: сначала скелет, затем сосуды, мышцы и внутренние органы.

Поток данных оказался слишком сложным для прямого перевода, и София записывала его без интерпретации.

Корабль выделил четыре проблемные области. Старый перелом левой ноги получил нейтральное обозначение и в план восстановления не вошёл. Повреждение правого лёгкого считалось активным. Ещё два участка находились в печени и у основания хвоста, где часть клеток потеряла структуру за время длительной остановки.

— Он различает старую травму и повреждения консервации, — сказала Сара. — Перелом считает завершённым состоянием. Остальное собирается исправить.

Марк ответил из контрольной секции:

— Значит, если всё получится, мы получим не идеальную реконструкцию.

— Нет. То же животное. Со следами прежней жизни.

На модели появился мозг. Несколько зон отличались по цвету, однако интерфейс не относил их к повреждениям.

— Похоже на последовательность будущей активации, — сказала Сара.

— Корабль знает порядок запуска мозга? — спросила Лаура.

— Возможно, записал его при остановке.

— Или хранит модель вида, — добавил Накамура.

София обнаружила отдельный информационный слой со схемами органов и диапазонами параметров.

— У экипажа был биологический шаблон вида. И поверх него — индивидуальные данные этого животного.

Сара изучила изображения.

— Тогда оборудование теоретически могло исправить гораздо больше. Но не исправляет. Оно сохраняет индивидуальные особенности.

По запросу Эстебана интерфейс показал план: восстановление клеточных мембран, ремонт повреждённых сосудов и лёгочной ткани, запуск циркуляции, постепенное повышение температуры.

— Изменения генома? — спросил Уокер.

София просмотрела схему.

— Полной перестройки нет. Только восстановление повреждённых участков по сохранённому шаблону.

— Значит, это ремонт, а не создание другого организма, — подвела итог Сара.

Эстебан дал группе пять минут на последнюю проверку. Земные датчики работали, резервная связь была активна, карантинный бокс подготовлен. В других коридорах корабля изменений не происходило. Передающий узел сохранял прежнюю нагрузку.

Лаура отвела руку от панели.

— Следующее подтверждение запускает ремонт тканей.

Накамура кивнул.

— И безопасного отката после него мы не можем гарантировать.

Эстебан по очереди запросил готовность.

Ответы были утвердительными.

— Запускаем восстановление тканей.

Лаура подтвердила команду.

Жидкость в камере потемнела, скрыв животное. По поверхности цилиндра побежали десятки световых линий. Манипуляторы не касались капсулы: их окончания раскрылись кольцами, через которые проходили импульсы неизвестного поля.

Температура тканей поднялась на две десятых градуса.

Сара диктовала показатели, Гонсало вносил их в земной журнал. Через семь минут появилось движение жидкости в сосудах. Сердце оставалось неподвижным; поток создавался самой камерой.

— Мембраны удерживают давление. Утечки нет.

На модели лёгкого повреждённая область сокращалась. Клетки, которые земная программа считала необратимо разрушенными, восстанавливали структуру одновременно по всему объёму, словно оборудование сверяло каждую из них с сохранённой записью.

Орлов следил за энергетическими данными.

— Потребление области выросло на четыре процента. Основной канал держит нагрузку.

— Источник?

— Тот же канал из сектора В. Остальные области без изменений.

Через сорок минут ремонт лёгкого завершился. Затем оборудование перешло к печени и основанию хвоста. Старый перелом остался нетронутым. На схеме сохранялось небольшое утолщение кости — след травмы, которую животное пережило ещё в своём мире.

Лаура задержала на нём взгляд.

— Если оно проснётся, нога будет болеть?

Сара проверила сустав.

— Возможно, после нагрузки. Сращение неидеальное, но стабильное.

— Мы сможем лечить потом?

— Сначала посмотрим, как оно двигается. Исправлять старую травму без необходимости не будем.

К часу дня началась длительная часть восстановления. Команда проверила шлюз и передала часть наблюдения второй смене. Эстебан остался в области Б, хотя Марк предлагал заменить его. Сара не отходила от медицинских экранов. После запуска постоянный контакт Лауры с панелью больше не требовался.

Еду принесли в герметичных контейнерах, но почти всё осталось на столе шлюза. Разговоры сократились до рабочих фраз. София каждые пятнадцать минут сверяла данные корабля с земными измерениями.

В четырнадцать двадцать восстановление тканей завершилось.

Жидкость снова стала прозрачной. Теропод выглядел почти так же, как утром, однако серый цвет кожи сменился тёплым коричневатым оттенком. Вдоль шеи и спины проступили тёмные полосы. Короткие перья расправились в жидкости неровным рядом от затылка до основания хвоста.

На модели появились слабые электрические потенциалы в мышцах.

— Ткани готовы к работе, — сказала Сара. — Самостоятельной активности пока нет.

Интерфейс открыл блок подготовки среды.

Корабль показал два набора параметров. Первый соответствовал смеси внутри камеры, второй — воздуху базы. Между ними располагалась шкала из семи переходных шагов.

— Он действительно сравнивает атмосферы, — сказала София.

Накамура развернул модель.

— И предлагает постепенный переход.

— Что при этом изменится в организме? — спросил Эстебан.

На экране появились лёгкие, кровь и несколько молекулярных структур. Менялись насыщение газами, работа дыхательных пигментов и водный баланс. Генетическая модель не появлялась.

Сара изучила последовательность.

— Это похоже на управляемую физиологическую адаптацию. То, что живой организм мог бы сделать сам, только под контролем камеры. Необратимой перестройки я не вижу.

— Сразу переводить его на воздух базы незачем, — сказал Уокер.

— И не будем. Пробуждение — в исходной смеси. Затем два переходных шага, чтобы условия карантинного бокса не отличались от неё резко.

— Почему два?

— До этой границы все показатели остаются внутри диапазона, записанного для самого животного.

Накамура подтвердил, что переход можно останавливать на отдельных делениях.

Лаура выбрала исходный режим и два последующих шага.

В жидкости появились мелкие пузырьки. Растворённые газы начали поступать к тканям. Камера подняла температуру ещё на полградуса и остановилась, ожидая стабилизации показателей.

Каждый следующий шаг зависел от реакции организма и занимал больше времени, чем предполагала оценка предыдущего дня. Расчёт в два с половиной — четыре часа уже нельзя было считать надёжным.

В шестнадцать часов сердце впервые ответило на внешний импульс.

Сокращение было слабым и неравномерным. На экране возник короткий пик, затем второй. Камера продолжала поддерживать искусственный поток по сосудам.

Сара подняла ладонь, не позволяя перебивать расчёты.

— Мышечные волокна отвечают. Проводящая система восстанавливает синхронизацию. Это подготовка, не самостоятельная работа.

Через несколько минут сердце сократилось снова. Теперь движение его стенок было видно на объёмной модели.

— Оно что-нибудь чувствует? — спросила Лаура.

— Мозг ещё не активирован до уровня сознания.

— Уверена?

— Насколько позволяют данные — да.

Эстебан распорядился отдельно отметить этот вопрос в журнале. Если такую процедуру когда-нибудь повторят, этический протокол должен учитывать возможность появления чувствительности ещё до полного пробуждения.

К семнадцати часам сердце отвечало на каждый импульс. Камера постепенно снижала искусственный поток, передавая нагрузку самому органу. Частота оставалась низкой, но ритм выравнивался.

Орлов заметил изменение энергопотребления.

— Область Б начала брать меньше мощности.

— При растущей биологической активности? — спросил Эстебан.

— Похоже, основная реконструкция закончена. Теперь энергия уходит не на ремонт, а на поддержку собственных процессов организма.

Температура тела достигла нижней границы диапазона, который корабль обозначал как нормальный. В мышцах появилась собственная электрическая активность. Печень начала реагировать на питательные вещества из жидкости.

На панели загорелся четвёртый блок.

Последний этап.

Интерфейс связал сердце, лёгкие и мозг в одну последовательность: самостоятельное кровообращение, дыхательный рефлекс, постепенная активация нервной системы. В конце камера должна была удалить жидкость и перейти к газовой среде.

Уокер вывел подтверждение герметизации карантинного модуля. Внутренний бокс уже был заполнен подготовленной смесью. Манипуляторы находились в нейтральном положении, вода и питательный раствор стояли в закрытых ёмкостях.

— После удаления жидкости капсула останется закрытой?

Накамура вызвал схему.

— Да. Сначала стабилизация, потом перенос. Открытие — отдельной командой.

Сара провела последнюю оценку. Повреждённые ткани были восстановлены, сосуды удерживали давление, сердце могло принять нагрузку. Риск оставался высоким, но новых причин останавливать процесс не появилось.

Эстебан ещё раз запросил готовность.

Теперь ответы звучали иначе, чем утром. За несколько часов процедура перестала быть абстрактной возможностью. Перед ними находилось тело с работающим сердцем, которое корабль шаг за шагом выводил из состояния, длившегося дольше всей истории человечества.

— Разрешаю финальный этап.

Лаура приложила ладонь к панели.

Символ Л-1 стал ярче. Рядом возник знак камеры номер три. На мгновение интерфейс снова показал заполненный и пустой профили, как во время эксперимента в челноке. София успела сохранить кадр, но последовательность исчезла прежде, чем кто-либо попытался её истолковать.

Лаура подтвердила запуск.

Камера начала передавать сердцу полную нагрузку. Сначала сокращение происходило раз в несколько секунд, затем ритм ускорился. Искусственный поток снизился до нуля.

— Самостоятельное кровообращение, — сказала Сара. — Ритм устойчивый.

Началась подготовка лёгких.

Жидкость уходила из дыхательных путей через тонкие каналы, которых земные камеры раньше не замечали. Грудная клетка пока не двигалась. Кровь получала кислород из внешнего контура.

Мозговая активность появлялась постепенно. Сначала включились стволовые и другие глубокие структуры, отвечавшие за жизненно важные функции, затем области, связанные с движением и обработкой сенсорных сигналов. Высшие отделы переднего мозга оставались подавленными.

— Похоже на выход из глубокой анестезии, — сказала Сара. — Только ни один известный нам организм не проходил через такую остановку.

В восемнадцать сорок семь лёгкие попытались сделать первое движение.

Грудная клетка поднялась на несколько миллиметров и опустилась. Воздух не вошёл. Камера вернула часть кислородной поддержки и повторила стимуляцию.

Вторая попытка оказалась сильнее, но правая сторона отставала. На модели восстановленный участок лёгкого обозначился жёлтым.

— Удержать нервную активность на текущем уровне, — потребовала Сара.

Лаура нашла соответствующий знак. Команда была принята. Мозговые показатели перестали расти, сердце продолжало работать.

— Правое лёгкое раскрывается не полностью. Ткань восстановлена, но мышцы ещё не синхронизированы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.